

Иван Сергеевич Тургенев

Призраки

Иван Тургенев

Призраки

«Public Domain»

1864

Тургенев И. С.

Призраки / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1864

Исследователи неоднократно отмечали, что многие главы «Призраков», несмотря на их фантастический колорит, написаны либо по личным впечатлениям Тургенева (описание Лаго-Маджоре, Понтийских болот, острова Уайта, окрестностей Рима), либо являются переработкой семейных преданий (глава о Степане Разине). «Призраки» отличаются точностью пейзажных зарисовок различных мест Европы, сделанных как бы с натуры, но особенная достоверность соблюдена Тургеневым при описании усадьбы героя, воспроизводящем Спасское-Лутовиново (пруд, плотина, усаженная раkitами дорога, березовая рощица). Оценки империи Наполеона III и самодержавного Петербурга также очень близки к суждениям самого Тургенева и зачастую являются почти дословными цитатами из его писем.

© Тургенев И. С., 1864

© Public Domain, 1864

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	8
V	9
VI	10
VII	11
VIII	12
IX	13
X	14
XI	15
XII	16
XIII	17
XIV	18
XV	19
XVI	20
XVII	21
XVIII	22
XIX	23
XX	24
XXI	26
XXII	27
XXIII	28
XXIV	29
XXV	30
Примечания	31
Источники текста	31
Условные сокращения	40
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Призраки

Фантазия

Миг один... и нет волшебной сказки —

И душа опять полна возможным...^[1]

А. Фет.

I

Я долго не мог заснуть и беспрестанно переворачивался с боку на бок. «Чёрт бы побрал эти глупости с вертящимися столами!^[2] — подумал я, — только нервы расстраивать...» Дремота начала наконец одолевать меня...

Вдруг мне почудилось, как будто в комнате слабо и жалобно прозвенела струна.

Я приподнял голову. Луна стояла низко на небе и прямо глянула мне в глаза. Белый как мел лежал ее свет на полу... Явственно повторился странный звук.

Я оперся на локоть. Легкий страх щипнул меня за сердце. Прошла минута, другая... Где-то далеко прокричал петух; еще дальше отозвался другой.

Я опустил голову на подушку. «Вот до чего можно довести себя, — подумал я опять, — в ушах звенеть станет».

Спустя немного я заснул — или мне казалось, что я заснул. Мне привиделся необыкновенный сон. Мне чудилось, что я лежу в моей спальне, на моей постели — и не сплю и даже глаз не могу закрыть. Вот опять раздается звук... Я оборачиваюсь... След луны на полу начинает тихонько приподниматься, выпрямляется, слегка округляется сверху... Передо мной, сквозь как туман, неподвижно стоит белая женщина.

— Кто ты? — спрашиваю я с усилием. Голос отвечает, подобный шелесту листьев:

— Это я... я... я... Я пришла за тобой.

— За мной? Да кто ты?

— Приходи ночью на угол леса, где старый дуб. Я там буду.

Я хочу взглянуть в черты таинственной женщины — и вдруг невольно вздрагиваю: на меня пахнуло холодом. И вот я уже не лежу, а сижу в своей постели — и там, где, казалось, стоял призрак, свет луны белеется длинной чертою по полу.

II

День прошел кое-как. Я, помнится, принимался читать, работать... ничего не клеилось. Настала ночь. Сердце билось во мне, как будто ждало чего-то. Я лег и повернулся лицом к стене.

– Отчего же ты не пришел? – раздался в комнате явственный шёпот.

Я быстро оглянулся.

Опять она... опять таинственный призрак. Неподвижные глаза на неподвижном лице – и взор исполнен печали.

– Приходи! – слышится снова шёпот.

– Приду, – отвечаю я с невольным ужасом. Призрак тихо качнулся вперед, смешался весь, легко волнуясь, как дым, – и луна опять мирно забелела на гладком полу.

III

Я провел день в волнении. За ужином я выпил почти целую бутылку вина, вышел было на крыльцо, но вернулся и бросился в постель. Кровь тяжело колыхалась во мне.

Опять послышался звук... Я вздрогнул, но не оглянулся. Вдруг я почувствовал, что кто-то тесно обнял меня сзади и в самое ухо мне лепечет: «Приди, приди, приди...» Затрепетав от испуга, я простонал:

– Приду! – и выпрямился.

Женщина стояла наклонясь возле самого моего изголовья. Она слабо улыбнулась и исчезла. Я, однако, успел разглядеть ее лицо. Мне показалось, что я видел ее прежде; но где, когда? Я встал поздно и целый день бродил по полям, подходил к старому дубу на окраине леса и внимательно осматривался кругом.

Перед вечером я сел у раскрытого окна в своем кабинете. Старуха ключница поставила передо мною чашку чаю – но я не прикасался к ней... Я всё недоумевал и спрашивал себя: «Не с ума ли я схожу?» Солнце только что закатилось, и не одно небо зарделось – весь воздух внезапно наполнился каким-то почти неестественным багрянцем: листья и травы, словно покрытые свежим лаком, не шевелились; в их окаменелой неподвижности, в резкой яркости их очертаний, в этом сочетании сильного блеска и мертвой тишины было что-то странное, загадочное. Довольно большая серая птица вдруг, безо всякого шума, прилетела и села на самый край окна... Я посмотрел на нее – и она посмотрела на меня сбоку своим круглым темным глазом. «Уж не прислали ли тебя, чтобы напомнить?» – подумал я.

Птица тотчас взмахнула своими мягкими крыльями и улетела по-прежнему без шума. Я долго еще сидел у окна, но я уже не предавался недоумению: я как будто попал в заколдованный круг – и неодолимая, хотя тихая сила увлекала меня, подобно тому, как, еще задолго до водопада, стремление потока увлекает лодку. Я встрепнулся наконец. Багрянец воздуха давно исчез, краски потемнели, и прекратилась заколдованная тишина. Ветерок запорхал, луна всё ярче выступала на посиневшем небе, – и скоро листья деревьев заиграли серебром и чернью в ее холодных лучах. Моя старуха вошла в кабинет с зажженной свечкой, но из окна дохнуло на нее – и пламя погасло. Я не мог выдержать более, вскочил, нахлобучил шапку и отправился на угол леса к старому дубу.

IV

В этот дуб, много лет тому назад, ударила молния; верхушка переломилась и засохла, но жизни еще сохранилось в нем на несколько столетий. Когда я стал подходить к нему, на луну набежала тучка: было очень темно под его широкими ветвями. Сперва я не заметил ничего особенного; но глянул в сторону – и сердце во мне так и упало: белая фигура стояла неподвижно возле высокого куста, между дубом и лесом. Волосы слегка зашевелились у меня на голове; но я собрался с духом – и пошел к лесу.

Да, это была она, моя ночная гостья. Когда я приблизился к ней, месяц засиял снова. Она казалась вся как бы соткана из полупрозрачного, молочного тумана – сквозь ее лицо мне виднелась ветка, тихо колеблемая ветром, – только волосы да глаза чуть-чуть чернели, да на одном из пальцев сложенных рук блистало бледным золотом узкое кольцо. Я остановился перед нею и хотел заговорить; но голос замер у меня в груди, хотя собственно страха я уже не ощущал. Ее глаза обратились на меня: взгляд их выражал не скорбь и не радость, а какое-то безжизненное внимание. Я ждал, не произнесет ли она слова, но она оставалась неподвижной и безмолвной и всё глядела на меня своим мертвенно-пристальным взглядом. Мне опять стало жутко.

– Я пришел! – воскликнул я наконец с усилием.

Глухо и чудно раздался мой голос.

– Я тебя люблю, – слышался шёпот.

– Ты меня любишь! – повторил я с изумлением.

– Отдайся мне, – снова прошепело мне в ответ.

– Отдаться тебе! Но ты призрак – у тебя и тела нет. – Странное одушевление овладело мною. – Что ты такое, дым, воздух, пар? Отдаться тебе! Отвечай мне сперва, кто ты? Жила ли ты на земле? Откуда ты явилась?

– Отдайся мне. Я тебе зла не сделаю. Скажи только два слова: возьми меня.

Я посмотрел на нее. «Что это она говорит? – подумал я. – Что это всё значит? И как же она возьмет меня? Или попытаться?»

– Ну, хорошо, – произнес я вслух и неожиданно громко, словно кто сзади меня подтолкнул. – Возьми меня!

Не успел я произнести эти слова, как таинственная фигура с каким-то внутренним смехом, от которого на миг задрожало ее лицо, покачнулась вперед, руки ее отделились и протянулись... Я хотел было отскочить; но я уже был в ее власти. Она обхватила меня, тело мое поднялось на пол-аршина от земли – и мы оба понеслись плавно и не слишком быстро над неподвижной мокрой травой.

V

Сперва у меня голова закружилась – и я невольно закрыл глаза... Минуту спустя я открыл их снова. Мы неслись по-прежнему. Но уже леса не было видно; под нами расстилалась равнина, усеянная темными пятнами. Я с ужасом убедился, что мы поднялись на страшную высоту.

«Я пропал, я во власти сатаны», – сверкнуло во мне, как молния. До того мгновенья мысль о наважденье нечистой силы, о возможности гибели мне в голову не приходила. Мы всё мчались и, казалось, забирали всё выше и выше.

– Куда ты несешь меня? – простонал я наконец.

– Куда хочешь, – отвечала моя спутница. Она вся прильнула ко мне; лицо ее почти прислонилось к моему лицу. Впрочем, я едва ощущал ее прикосновение.

– Опусти меня на землю; мне дурно на этой высоте.

– Хорошо; только закрой глаза и не дыши.

Я послушался – и тотчас же почувствовал, что падаю, как брошенный камень... воздух засвистал в моих волосах. Когда я опомнился, мы опять плавно неслись над самой землей, так что цеплялись за верхушки высоких трав.

– Поставь меня на ноги, – начал я. – Что за удовольствие летать? Я не птица.

– Я думала, что тебе приятно будет. У нас другого занятия нет.

– У вас? Да кто вы такие?

Ответа не было.

– Ты не смеешь мне это сказать?

Жалобный звук, подобный тому, который разбудил меня в первую ночь, задрожал в моих ушах. Между тем мы продолжали чуть заметно двигаться по влажному ночному воздуху.

– Пусти же меня! – промолвил я. Спутница моя тихо отклонилась – и я очутился на ногах. Она остановилась передо мной и снова сложила руки. Я успокоился и посмотрел ей в лицо: по-прежнему оно выражало покорную грусть.

– Где мы? – спросил я. Я не узнавал окрестных мест.

– Далеко от твоего дома, но ты можешь быть там в одно мгновение.

– Каким это образом? опять довериться тебе?

– Я не сделала тебе зла и не сделаю. Полетаем с тобой до зари, вот и всё. Я могу тебя отнести, куда только ты вздумаешь – во все края земли. Отдайся мне! Скажи опять: возьми меня!

– Ну... возьми меня!

Она опять припала ко мне, ноги мои опять отделились от земли – и мы полетели.

VI

- Куда? – спросила она меня.
- Прямо, всё прямо.
- Но тут лес.
- Поднимись над лесом – только тише.

Мы взмыли кверху, как вальдшнеп, налетевший на березу, и опять понеслись в прямом направлении. Вместо травы вершины деревьев мелькали у нас под ногами. Чудно было видеть лес сверху, его щетинистую спину, освещенную луной. Он казался каким-то огромным, заснувшим зверем и сопровождал нас широким непрерывным шорохом, похожим на невнятное ворчанье. Кое-где попадалась небольшая поляна; красиво чернела с одной ее стороны зубчатая полоса тени... Заяц изредка жалобно кричал внизу; вверху сова свистала, тоже жалобно; в воздухе пахло грибами, почками, зорей-травой; лунный свет так и разливался во все стороны – холодно и строго; «стожары» блистали над самой головой.^[3] Вот и лес остался назади; в поле протянулась полоса тумана: это река текла. Мы понеслись вдоль одного из ее берегов над кустами, отяжелевшими и неподвижными от сырости. Волны на реке то лоснились синим лоском, то катились темные и словно злые. Местами странно двигался над ними тонкий пар – и чашки водяных лилий девственно и пышно белели всеми своими распутившимися лепестками, точно знали, что до них добраться невозможно. Мне вздумалось сорвать одну из них – и вот я уже очутился над самой гладью реки... Сырость неприязненно ударила мне в лицо, как только я перервал тугой стебель крупного цветка. Мы начали перелетывать с берега на берег, как кулички-песочники, которых мы то и дело будили и за которыми гнались. Нам не раз случалось налетать на семейку диких уток, расположенных кружком на чистом местечке между тростниками, но они не шевелились; разве одна из них торопливо вынет шею из-под крыла, посмотрит, посмотрит и хлопотливо засунет опять нос в пушистые перья, а другая слабо крикнет, причем всё ее тело немножко дрогнет. Мы вспугнули одну цаплю: она поднялась из ракитового куста, болтая ногами и с неуклюжим усилием махая крыльями; тут она мне показалась действительно похожей на немца. Рыба нигде не плескалась – спала тоже. Я начинал привыкать к ощущению полета и даже находил в нем приятность: меня поймет всякий, кому случалось летать во сне.^[4] Я принялся с большим вниманием рассматривать странное существо, по милости которого со мной совершались такие неправдоподобные события.

VII

Это была женщина с маленьким нерусским лицом. Иссера-беловатое, полупрозрачное, с едва означенными тенями, оно напоминало фигуры на алебастровой, изнутри освещенной вазе – и опять показалось мне знакомым.

– Можно с тобой говорить? – спросил я.

– Говори.

– Я вижу у тебя кольцо на пальце; ты, стало быть, жила на земле – ты была замужем?

Я остановился... Ответа не было.

– Как тебя зовут – или звали по крайней мере?

– Зови меня Эллис.

– Эллис! Это английское имя! Ты англичанка? Ты знала меня прежде?

– Нет.

– Отчего же ты именно ко мне явилася?

– Я тебя люблю.

– И ты довольна?

– Да; мы носимся, мы кружимся с тобою по чистому воздуху.

– Эллис! – сказал я вдруг, – ты, может быть, преступная, осужденная душа?

Голова моей спутницы наклонилась.

– Я тебя не понимаю, – шепнула она.

– Заклинаю тебя именем бога... – начал было я.

– Что ты говоришь? – промолвила она с недоумением. – Я не понимаю. – Мне показалось, что рука, лежавшая холодноватым поясом вокруг моего стана, тихо шевельнулась...

– Не бойся, – промолвила Эллис, – не бойся, мой милый! – Ее лицо обернулось и придвинулась к моему лицу... Я почувствовал на губах моих какое-то странное ощущение, как бы прикосновение тонкого и мягкого жала... Незлые пиявки так берутся.

VIII

Я взглянул вниз. Мы уже опять успели подняться на довольно значительную вышину. Мы пролетали над неизвестным мне уездным городом, расположенным на скате широкого холма. Церкви высились среди темной массы деревянных крыш, фруктовых садов; длинный мост чернел на изгибе реки; всё молчало, отягченное сном. Самые куполы и кресты, казалось, блестели безмолвным блеском; безмолвно торчали высокие шесты колодцев возле круглых шапок ракит; белесоватое шоссе узкой стрелой безмолвно впивалось в один конец города и безмолвно выбегало из противоположного конца на сумрачный простор однообразных полей.

– Что это за город? – спросил я.

– ...сов.

– ...сов в ...ой губернии?

– Да.

– Далеко же я от дому!

– Для нас отдаленности нет.

– В самом деле? – Внезапная удаль вспыхнула во мне. – Так неси же меня в Южную Америку!

– В Америку не могу. Там теперь день.

– А мы с тобой ночные птицы. Ну, куда-нибудь, куда можно, только подальше.

– Закрой глаза и не дыши, – отвечала Эллис, – и мы помчались с быстротою вихря. С потрясающим шумом врывался воздух в мои уши.

Мы остановились, но шум не прекращался. Напротив: он превратился в какой-то грозный рев, в громовой гул...

– Теперь можешь открыть глаза, – сказала Эллис.

IX

Я повиновался... Боже мой, где я?

Над головой тяжелые дымные тучи; они теснятся, они бегут, как стадо злобных чудовищ... а там, внизу, другое чудовище: разъяренное, именно разъяренное море... Белая пена судорожно сверкает и кипит на нем буграми – и, вздымая косматые волны, с грубым грохотом бьет оно в громадный, как смоль черный, утес. Завывание бури, леденящее дыхание расколы-хавшейся бездны, тяжкий плеск прибоя, в котором по временам чудится что-то похожее на вопли, на далекие пушечные выстрелы, на колокольный звон, раздирающий визг и скрежет прибрежных голышей, внезапный крик невидимой чайки, на мутном небосклоне шаткий остов корабля – всюду смерть, смерть и ужас... Голова у меня закружилась – и я снова с замиранием закрыл глаза...^[5]

– Что это? где мы?

– На южном берегу острова Уайт,^[6] перед утесом Благанг, где так часто разбиваются корабли, – промолвила Эллис, на этот раз особенно отчетливо и, как мне показалось, не без злорадства.

– Неси меня прочь, прочь отсюда... домой! домой!

Я сжался весь, стиснул лицо руками... Я чувствовал, что мы понеслись еще быстрее прежнего; ветер уже не выл и не свистал – он визжал в моих волосах, в моем платье... дух захватывало...

– Стань же на ноги, – раздался голос Эллис.

Я силился овладеть собою, своим сознанием... Я ощущал под подошвами землю и не слышал ничего, точно всё замерло кругом... только в виски неровно стучала кровь и с слабым внутренним звоном всё еще кружилась голова. Я выпрямился и открыл глаза.

Х

Мы находились на плотине моего пруда. Прямо передо мною, сквозь острые листья ракит, виднелась его широкая гладь с кое-где приставшими волокнами пушистого тумана. Направо тускло лоснилось ржаное поле; налево вздымались деревья сада, длинные, неподвижные и как будто сырые... Утро уже дохнуло на них. По чистому серому небу тянулись, словно полосы дыма, две-три косые тучки; они казались желтоватыми – первый слабый отблеск зари падал на них бог весть откуда: глаз еще не мог различить на побелевшем небосклоне то место, где она должна была заняться. Звезды исчезали; ничего еще не шевелилось, хотя всё уже просыпалось в очарованной тишине раннего полусвета.

– Утро! вот утро! – воскликнула над самым моим ухом Эллис... – Прощай! До завтра!

Я обернулся... Легко отделяясь от земли, она плыла мимо – и вдруг подняла обе руки над головою. Эта голова, и руки, и плечи мгновенно вспыхнули телесным, теплым цветом; в темных глазах дрогнули живые искры; усмешка тайной неги шевельнула покрасневшие губы... Прелестная женщина внезапно возникла передо мною... Но, как бы падая в обморок, она тотчас опрокинулась назад и растаяла, как пар.

Я остался недвижим.

Когда я опомнился и оглянулся, мне показалось, что телесная, бледно-розовая краска, пробежавшая по фигуре моего призрака, всё еще не исчезла и, разлитая в воздухе, обдавала меня кругом... Это заря загоралась. Я вдруг почувствовал крайнюю усталость и отправился домой. Проходя мимо птичьего двора, я услышал первое утреннее лепетанье гусенят (раньше их ни одна птица не просыпается); вдоль крыши на конце каждой притужины сидело по галке – и все они хлопотливо и молча очищались, четко рисуясь на молочном небе. Изредка они разом все поднимались – и, полетав немного, садились опять рядом, без крика... Из недалевого леса два раза принеслось сипло-свежее чужфуканье черныша-тетерева, только что слетевшего в росистую, ягодами заросшую траву... С легкой дрожью в теле я добрался до постели и скоро заснул крепким сном.

XI

На следующую ночь, когда я стал подходить к старому дубу, Эллис понеслась мне навстречу, как к знакомому. Я не боялся ее по-вчерашнему, я почти обрадовался ей; я даже не старался понять, что со мной происходило; мне только хотелось полетать подальше по любопытным местам.

Рука Эллис опять обвилась вокруг меня – и мы опять помчались.

– Отправимся в Италию, – шепнул я ей на ухо.

– Куда хочешь, мой милый, – отвечала она торжественно и тихо – и тихо и торжественно повернула ко мне свое лицо. Оно показалось мне не столь прозрачным, как накануне; более женственное и более важное, оно напомнило мне то прекрасное создание, которое мелькнуло передо мной на утренней заре перед разлукой.

– Нынешняя ночь – великая ночь, – продолжала Эллис – Она наступает редко – когда семь раз тринадцать...^[7]

Тут я не дослушал несколько слов.

– Теперь можно видеть, что бывает закрыто в другое время.

– Эллис! – взмолился я, – да кто же ты? скажи мне, наконец!

Она молча подняла свою длинную белую руку. На темном небе, там, куда указывал ее палец, среди мелких звезд красноватой чертой сияла комета.

– Как мне понять тебя? – начал я. – Или ты – как эта комета носится между планетами и солнцем – носишься между людьми... и чем?

Но рука Эллис внезапно надвинулась на мои глаза... Словно белый туман из сырой долины обдал меня...

– В Италию! в Италию! – слышался ее шёпот. – Эта ночь – великая ночь!

XII

Туман перед моими глазами рассеялся, и я увидел под собою бесконечную равнину. Но уже по одному прикосновению теплого и мягкого воздуха к моим щекам я мог понять, что я не в России; да и равнина та не походила на наши русские равнины. Это было огромное тусклое пространство, по-видимому не поросшее травой и пустое; там и сям, по всему его протяжению, подобно небольшим обломкам зеркала, блистали стоячие воды; вдали смутно виднелось неслышное, недвижимое море. Крупные звезды сияли в промежутках больших красивых облаков; тыся-чеголосная, немолчная и все-таки негромкая трель поднималась отовсюду – и чуден был этот пронзительный и дремотный гул, этот ночной голос пустыни...

– Понтийские болота,^[8] – промолвила Эллис – Слышишь лягушек? Чувствуешь запах серы?

– Понтийские болота... – повторил я, и ощущение величавой унылости охватило меня. – Но зачем принесла ты меня сюда, в этот печальный, заброшенный край? Полетим лучше к Риму.

– Рим близок, – отвечала Эллис... – Приготовься!

Мы спустились и помчались вдоль старинной латинской дороги.^[9] Буйвол медленно поднимал из вязкой тины свою косматую чудовищную голову с короткими вихрами щетины между криво назад загнутыми рогами. Он косо повел белками бессмысленно-злых глаз и тяжело фыркнул мокрыми ноздрями, словно почуял нас.

– Рим, Рим близок... – шептала Эллис – Гляди, гляди вперед...

Я поднял глаза.

Что это чернеет на окраине ночного неба? Высокие ли арки громадного моста? Над какой рекой он перекинут? Зачем он порван местами? Нет, это не мост, это древний водопровод. Кругом священная земля Кампании, а там, вдали, Албанские горы – и вершины их и седая спина старого водопровода слабо блестят в лучах только что взошедшей луны...

Мы внезапно взвились и повисли на воздухе перед уединенной развалиной. Никто бы не мог сказать, чем она была прежде: гробницей, чертогом, башней... Черный плющ обливал ее всю своей мертвенной силой – а внизу раскрывался, как зев, полуобрушенный свод. Тяжелым запахом погребя веяло мне в лицо от этой груды мелких, тесно сплоченных камней, с которых давно свалилась гранитная оболочка стены.

– Здесь, – произнесла Эллис и подняла руку. – Здесь! Проговори громко, три раза сряду, имя великого римлянина.

– Что же будет?

– Ты увидишь.

Я задумался.

– Divus Cajus Julius Caesar!..¹ – воскликнул я вдруг, – divus Cajus Julius Caesar! – повторил я протяжно. – Caesar!^[10]

¹ Божественный Кай Юлий Цезарь!.. (лат.).

XIII

Последние отзвучия моего голоса не успели еще замереть, как мне послышалось...

Мне трудно сказать, что именно. Сперва мне послышался смутный, ухом едва уловимый, но бесконечно повторявшийся взрыв трубных звуков и рукоплесканий. Казалось, где-то, страшно далеко, в какой-то бездонной глубине, внезапно зашевелилась несметная толпа – и поднималась, поднималась, волнуясь и перекликаясь чуть слышно, как бы сквозь сон, сквозь подавляющий, многовековой сон. Потом воздух заструился и потемнел над развалиной... Мне начали мерещиться тени, мириады теней, миллионы очертаний, то округленных, как шлемы, то протянутых, как копья; лучи луны дробились мгновенными синеватыми искорками на этих копьях и шлемах – и вся эта армия, эта толпа надвигалась ближе и ближе, росла, колыхалась усиленно... Несказанное напряжение, напряжение, достаточное для того, чтобы приподнять целый мир, чувствовалось в ней; но ни один образ не выдавался ясно... И вдруг мне почудилось, как будто трепет пробежал кругом, как будто отхлынули и расступились какие-то громадные волны... «Caesar, Caesar venit!»², – зашумели голоса, подобно листьям леса, на который внезапно налетела буря... Прокатился глухой удар – и голова бледная, строгая, в лавровом венке, с опущенными веками, голова императора стала медленно выдвигаться из-за развалины...

На языке человеческого нету слов для выражения ужаса, который сжал мое сердце. Мне казалось, что раскрой эта голова свои глаза, разверзи свои губы – и я тотчас же умру.

– Эллис! – простонал я, – я не хочу, я не могу, не надо мне Рима, грубого, грозного Рима... Прочь, прочь отсюда!^[1]

– Малодушный! – шепнула она, – и мы умчались. Я успел еще услышать за собою железный, громовый на этот раз, крик легионов... Потом всё потемнело.

² «Цезарь, Цезарь идет!» (лат.).

XIV

– Оглянись, – сказала мне Эллис, – и успокойся.

Я послушался – и, помню, первое мое впечатление было до того сладостно, что я мог только вздохнуть. Какой-то дымчато-голубой, серебристо-мягкий не то свет, не то туман – обливал меня со всех сторон. Сперва я не различал ничего: меня слепил этот лазоревый блеск – но вот понемногу начали выступать очертания прекрасных гор, лесов; озеро раскинулось подо мною с дрожавшими в глубине звездами, с ласковым ропотом прибоя. Запах померанцев обдал меня волной – и вместе с ним и тоже как будто волною принеслись сильные, чистые звуки молодого женского голоса. Этот запах, эти звуки так и потянули меня вниз – и я начал спускаться... спускаться к роскошному мраморному дворцу, приветно белевшему среди кипарисной рощи. Звуки лились из его настежь раскрытых окон; волны озера, усеянного пылью цветов, плескались в его стены – и прямо напротив, весь одетый темной зеленью померанцев и лавров, весь облитый лучезарным паром, весь усеянный статуями, стройными колоннами, портиками храмов, поднимался из лона вод высокий круглый остров...

– Isola Bella! – проговорила Эллис. – Lago Maggiore...^[12]

Я промолвил только: а! и продолжал спускаться. Женский голос всё громче, всё ярче раздавался во дворце; меня влекло к нему неотразимо... я хотел взглянуть в лицо певице, оглашавшей такими звуками такую ночь. Мы остановились перед окном.

Посреди комнаты, убранной в помпейяновском вкусе^[13] и более похожей на древнюю храмину, чем на новейшую залу, окруженная греческими изваяниями, этрусскими вазами,^[14] редкими растениями, дорогими тканями, освещенная сверху мягкими лучами двух ламп, заключенных в хрустальные шары, – сидела за фортепьянами молодая женщина. Слегка закинув голову и до половины закрыв глаза, она пела итальянскую арию; она пела и улыбалась, и в то же время черты ее выражали важность, даже строгость... признак полного наслаждения! Она улыбалась... и Праксителев Фавн,^[15] ленивый, молодой, как она, изнеженный, сладострастный, тоже, казалось, улыбался ей из угла, из-за ветвей олеандра, сквозь тонкий дым, поднимавшийся с бронзовой курильницы на древнем треножнике. Красавица была одна. Очарованный звуками, красотой, блеском и благовонием ночи, потрясенный до глубины сердца зрелищем этого молодого, спокойного, светлого счастья, я позабыл совершенно о моей спутнице, забыл о том, каким странным образом я стал свидетелем этой столь отдаленной, столь чуждой мне жизни, – и я хотел уже ступить на окно, хотел заговорить...

Всё мое тело вздрогнуло от сильного толчка – точно я коснулся лейденской банки.^[16] Я оглянулся... Лицо Эллис было – при всей своей прозрачности – мрачно и грозно; в ее внезапно раскрывшихся глазах тускло горела злоба...

– Прочь! – бешено шепнула она, и снова вихрь, и мрак, и головокружение... Только на этот раз не крик легионов, а голос певицы, оборванный на высокой ноте, остался у меня в ушах...

Мы остановились. Высокая нота, та же нота, всё звенела и не переставала звенеть, хотя я чувствовал совсем другой воздух, другой запах... На меня веяло крепительной свежестью, как от большой реки, – и пахло сеном, дымом, коноплей. За долго протянутой нотой последовала другая, потом третья, но с таким несомненным оттенком, с таким знакомым, родным переливом, что я тотчас же сказал себе: «Это русский человек поет русскую песню» – и в то же мгновение мне всё кругом стало ясно.

XV

Мы находились над плоским берегом. Налево тянулись, терялись в бесконечность скошенные луга, уставленные громадными скирдами; направо в такую же бесконечность уходила ровная гладь великой многоводной реки. Недалеко от берега большие темные барки тихонько переваливались на якорях, слегка двигая остриями своих мачт, как указательными перстами. С одной из этих барок долетали до меня звуки разливистого голоса, и на ней же горел огонек, дрожа и покачиваясь в воде своим длинным, красным отраженьем. Кое-где, и на реке и в полях, непонятно для глаза – близко ли, далеко ли – мигали другие огоньки; они то жмурились, то вдруг выдвигались лучистыми крупными точками; бесчисленные кузнечики немолчно стрекотали, не хуже лягушек понтийских болот, и под безоблачным, но низко нависшим темным небом изредка кричали неведомые птицы.

– Мы в России? – спросил я Эллис.

– Это Волга, – отвечала она. Мы понеслись вдоль берега.

– Отчего ты меня вырвала оттуда, из того прекрасного края? – начал я. – Завидно тебе стало, что ли? Уж не ревность ли в тебе пробудилась?

Губы Эллис чуть-чуть дрогнули, и в глазах опять мелькнула угроза... Но всё лицо тотчас же вновь оцепенело.

– Я хочу домой, – проговорил я.

– Погоди, погоди, – отвечала Эллис. – Теперешняя ночь – великая ночь. Она не скоро вернется. Ты можешь быть свидетелем... Погоди.

И мы вдруг полетели через Волгу, в косвенном направлении, над самой водой, низко и порывисто, как ласточки перед бурей. Широкие волны тяжело журчали под нами, резкий речной ветер бил нас своим холодным, сильным крылом... Высокий правый берег скоро начал воздыматься перед нами в полумраке. Показались крутые горы с большими расселинами. Мы приблизились к ним.

– Крикни: «Сарынь на кичку!»^[17] – шепнула мне Эллис. Я вспомнил ужас, испытанный мною при появлении римских призраков, я чувствовал усталость и какую-то странную тоску, словно сердце во мне таяло, – я не хотел произнести роковые слова, я знал заранее, что в ответ на них появится, как в Волчьей Долине Фрейшюца,^[18] что-то чудовищное, – но губы мои раскрылись против воли, и я закричал, тоже против воли, слабым напряженным голосом: «Сарынь на кичку!»

XVI

Сперва всё осталось безмолвным, как и перед римской развалиной, но вдруг возле самого моего уха раздался грубый бурлацкий смех – и что-то со стоном упало в воду и стало захлебываться...^[19] Я оглянулся: никого нигде не было видно, но с берега отпрянуло эхо – и разом и отовсюду поднялся оглушительный гам. Чего только не было в этом хаосе звуков: крики и визги, яростная ругань и хохот, хохот пуще всего, удары весел и топоров, треск как от взлома дверей и сундуков, скрип снастей и колес, и лошадиное скакание, звон набата и лязг цепей, гул и рев пожара, пьяные песни и скрежещущая скороговорка, неутешный плач, моление жалобное, отчаянное, и повелительные восклицанья, предсмертное хрипенье, и удалой посвист, гарканье и топот пляски... «Бей! вешай! топи! режь! любо! любо! так! не жалеи!» – слышалось явственно, слышалось даже прерывистое дыхание запыхавшихся людей, – а между тем кругом, насколько глаз доставал, ничего не показывалось, ничего не изменялось: река катилась мимо, таинственно, почти угрюмо; самый берег казался пустынной и одичалой – и только.

Я обратился к Эллис, но она положила палец на губы...

– Степан Тимофеич! Степан Тимофеич идет!^[20] – зашумело вокруг, – идет наш батюшка, атаман наш, наш кормилец! – Я по-прежнему ничего не видел, но мне внезапно почудилось, как будто громадное тело надвигается прямо на меня... – Фролка! где ты, пес?^[21] – загремел страшный голос. – Зажигай со всех концов – да в топоры их, белоручек!^[22]

На меня пахнуло жаром близкого пламени, горькой гарью дыма – и в то же мгновение что-то теплое, словно кровь, брызнуло мне в лицо и на руки... Дикий хохот грянул кругом...

Я лишился чувств – и когда опомнился, мы с Эллис тихо скользили вдоль знакомой опушки моего леса, прямо к старому дубу...

– Видишь ту дорожку? – сказала мне Эллис, – там, где месяц тускло светит и свесились две березки?.. Хочешь туда?

Но я чувствовал себя до того разбитым и истощенным, что мог только проговорить в ответ:

– Домой... домой!..

– Ты дома, – отвечала Эллис.

Я действительно стоял перед самой дверью моего дома – один. Эллис исчезла. Дворовая собака подошла было, подозрительно оглянула меня – и с воем бросилась прочь.

Я с трудом дотащился до постели и заснул, не раздеваясь.

XVII

Всё следующее утро у меня голова болела, и я едва передвигал ноги; но я не обращал внимания на телесное мое расстройство, раскаяние меня грызло, досада душила.

Я был до крайности недоволен собою. «Малодушный! – твердил я беспрестанно, – да, Эллис права. Чего я испугался? как было не воспользоваться случаем?.. Я мог увидеть самого Цезаря – и я замер от страха, я запищал, я отвернулся, как ребенок от розги. Ну, Разин – это дело другое. В качестве дворянина и землевладельца... Впрочем, и тут, чего же я собственно испугался? Малодушный, малодушный!..»

– Да уж не во сне ли я всё это вижу? – спросил я себя наконец. Я позвал ключницу.

– Марфа, в котором часу я лег вчера в постель – не помнишь?

– Да кто ж тебя знает, кормилец... Чай, поздно. В сумеречки ты из дома вышел; а в спальне-то ты каблучищами-то за полночь стучал. Под самое под утро – да. Вот и третьего дня тож. Знать, забота у тебя завелась какая.

«Эге-ге! – подумал я. – Летанье-то, значит, не подлежит сомнению». – Ну, а с лица я сегодня каков? – прибавил я громко.

– С лица-то? Дай погляжу. Осунулся маленько. Да и бледен же ты, кормилец: вот как есть ни кровинки в лице.

Меня слегка покорило... Я отпустил Марфу.

«Ведь этак умрешь, пожалуй, или сойдешь с ума, – рассуждал я, сидя в раздумье под окном. – Надо это всё бросить. Это опасно. Вон и сердце как странно бьется. А когда я летаю, мне всё кажется, что его кто-то сосет или как будто из него что-то сочится, – вот как весной сок из березы, если воткнуть в нее топор. А все-таки жалко. Да и Эллис... Она играет со мной, как кошка с мышью... А впрочем, едва ли она желает мне зла. Отдамся ей в последний раз – нагляжусь – а там... Но если она пьет мою кровь? Это ужасно. Притом такое быстрое передвижение не может не быть вредным; говорят, и в Англии, на железных дорогах, запрещено ехать более ста двадцати верст в час...»

Так я размышлял с самим собою – но в десятом часу вечера я уже стоял перед старым дубом.

XVIII

Ночь была холодная, тусклая, серая; в воздухе пахло дождем. К удивлению моему, я никого не нашел под дубом; я прошелся несколько раз вокруг, доходил до опушки леса, возвращался, тщательно вглядываясь в темноту... Всё было пусто. Я подождал немного, потом несколько раз сряду произнес имя Эллис всё громче и громче... но она не появлялась. Мне стало грустно, почти больно; прежние мои опасения исчезли: я не мог примириться с мыслью, что моя спутница уже не вернется ко мне.

– Эллис! Эллис! приди же! Неужели ты не придешь? – закричал я в последний раз.

Ворон, которого мой голос разбудил, внезапно завопил в вершине соседнего дерева и, путаясь в ветвях, захлопал крыльями... Но Эллис не появлялась.

Понурился, я отправился домой. Впереди уже чернели ракиты на плотине пруда, и свет в окне моей комнаты мелькнул между яблонями сада, мелькнул и скрылся, словно глаз человека, который бы меня караулил, – как вдруг сзади меня послышался тонкий свист быстро рассекаемого воздуха, и что-то разом обняло и подхватило меня снизу вверх: кобчик так подхватывает когтем, «чокает» перепела... Это Эллис на меня налетела. Я почувствовал ее щеку на моей щеке, кольцо ее руки вокруг моего тела – и как острый холодок вонзился мне в ухо ее шёпот: «Вот и я». Я и испугался и обрадовался в одно и то же время... Мы неслись невысоко над землей.

– Ты не хотела прийти сегодня? – промолвил я.

– А ты соскучился по мне? Ты меня любишь? О, ты мой!

Последние слова Эллис меня смутили... Я не знал, что сказать.

– Меня задержали, – продолжала она, – меня караулили.

– Кто мог тебя задержать?

– Куда ты хочешь? – спросила Эллис, по обыкновению не отвечая на мой вопрос.

– Понеси меня в Италию, к тому озеру – помнишь?

Эллис слегка отклонилась и отрицательно покачала головой. Тут я в первый раз заметил, что она перестала быть прозрачной. И лицо ее как будто окрасилось; по туманной его белизне разливался алый оттенок. Я взглянул в ее глаза... и мне стало жутко: в этих глазах что-то двигалось – медленным, безостановочным и зловещим движением свернувшейся и застывшей змеи, которую начинает отогревать солнце.

– Эллис! – воскликнул я, – кто ты? Скажи же мне, кто ты?

Эллис только плечом пожала.

Мне стало досадно... мне захотелось отомстить ей, – и вдруг мне пришло на ум велеть ей перенестись со мною в Париж. «Вот уж где придется тебе ревновать», – подумал я.

– Эллис! – промолвил я вслух, – ты не боишься больших городов, Парижа, например?

– Нет.

– Нет? Даже тех мест, где так светло, как на бульварах?

– Это не дневной свет.

– Прекрасно; так неси же меня сейчас на Италианский бульвар.

Эллис наклонила мне на голову конец своего длинного висячего рукава. Меня тотчас охватила какая-то белая мгла с снотворным запахом мака. Всё исчезло разом: всякий свет, всякий звук – и самое почти сознание. Одно ощущение жизни осталось – и это не было неприятно.

Внезапно мгла исчезла: Эллис сняла рукав с моей головы, и я увидел под собою громаду столпившихся зданий, полную блеска, движения, грохота... Я увидел Париж.

XIX

Я прежде бывал в Париже и потому тотчас узнал место, к которому направлялась Эллис. Это был Тюльерийский сад, с его старыми каштановыми деревьями, железными решетками, крепостным рвом и звероподобными зуавами на часах.^[23] Минуя дворец, минуя церковь св. Роха, на ступенях которой первый Наполеон в первый раз пролил французскую кровь,^[24] мы остановились высоко над Италианским бульваром, где третий Наполеон сделал то же самое^[25] и с тем же успехом. Толпы народа, молодые и старые щеголи, блузники, женщины в пышных платьях теснились по панелям; раззолоченные рестораны и кофейные горели огнями; омнибусы, кареты всех родов и видов сновали вдоль бульвара; всё так и кипело, так и сияло, всё, куда ни падал взор... Но, странное дело! мне не захотелось покинуть мою чистую, темную, воздушную высь, не захотелось приблизиться к этому человеческому муравейнику. Казалось, горячий, тяжелый, рдяный пар поднимался оттуда, не то пахучий, не то смрадный: уж очень много жизней сбилось там в одну кучу. Я колебался... Но вот резкий, как лязг железных полос, голос уличной лоретки внезапно долетел до меня; как наглый язык, высунулся он наружу, этот голос; он кольнул меня, как жало гадины. Я тотчас представил себе каменное, скулистое, жадное, плоское парижское лицо, ростовщицы глаза, белила, румяны, взбитые волосы и букет ярких поддельных цветов под остроконечной шляпой, выскребленные ногти вроде когтей, безобразный кринолин... Я представил себе также и нашего брата степняка, бегущего дрянной прыжкой за продажной куклой... Я представил себе, как он, конфузаясь до грубости и насильственно картавя, старается подражать в манерах гарсонам Вефура,^[26] пищит, подслуживается, юлит. – и чувство омерзения охватило меня... «Нет, – подумал я, – здесь Эллис ревновать не придется...»^[27]

Между тем я заметил, что мы понемногу начали понижаться... Париж вздымался к нам навстречу со всем своим гамом и чадом...

– Остановись! – обратился я к Эллис. – Неужели тебе не душно здесь, не тяжело?

– Ты сам просил меня перенести тебя сюда.

– Я виноват, я беру назад свое слово. Неси меня прочь, Эллис, прошу тебя. Так и есть: вот и князь Кульмаметов ковыляет по бульвару, и друг его, Серж Вараксин, машет ему ручкой и кричит: «Иван Степаныч, аллон супэ³, скорей, же ангаже⁴ самое Ригольбош!»^[28] Неси меня прочь от этих мабилей и мезон-дорé, от ганденов и бишей, от Жокей-клуба^[29] и Фигаро,^[30] от выбритых солдатских лбов и вылощенных казарм, от сержандевилей^[31] с эспаньолками и стаканов мутного абсенту, от игроков в домино по кофейным и игроков на бирже, от красных ленточек в петлице сюртука и в петлице пальто, от господина де Фуа,^[32] изобретателя «специальности браков» и даровых консультаций д-ра Шарля Альбера,^[33] от либеральных лекций и правительственных брошюр, от парижских комедий и парижских опер, от парижских острот и парижского невежества... Прочь! прочь! прочь!

– Взгляни вниз, – отвечала мне Эллис, – ты уже не над Парижем.

Я опустил глаза... Точно. Темная равнина, кой-где пересеченная беловатыми чертами дорог, быстро бежала под нами, и только назади, на небосклоне, как зарево огромного пожара, било кверху широкое отражение бесчисленных огней мировой столицы.

³ пойдем ужинать (франц.).

⁴ я пригласил (франц.).

XX

Опять упала пелена на глаза мои... Опять я забылся. Она рассеялась наконец.

Что это там внизу? Какой это парк с аллеями стриженных лип, с отдельными елками в виде зонтиков, с портиками и храмами во вкусе помпадур,^[34] с изваяниями сатиров и нимф берниниевской школы,^[35] с тритонами рококо на середине изогнутых прудов, окаймленных низкими перилами из почерневшего мрамора? Не Версаль ли это? Нет, это не Версаль. Небольшой дворец, тоже рококо, выглядывает из-за купы кудрявых дубов. Луна неясно светит, окутанная паром, и по земле как будто разостлался тончайший дым. Глаз не может разобрать, что это такое: лунный свет или туман? Вон на одном из прудов спит лебедь: его длинная спина белеет, как снег степей, прохваченных морозом, – а вон светляки горят алмазами в голубоватой тени у подножья статуй.

– Мы возле Мангейма,^[36] – промолвила Эллис, – это Швецингенский сад. *Швецингенский сад* – парк в городе Швецинген (Schwetzingen) в великом герцогстве Баденском.

«Так мы в Германии!» – подумал я и начал прислушиваться. Всё было безмолвно; только где-то уединенно и незримо плескалась и болтала струйка падавшей воды. Казалось, она твердила всё одни и те же слова: «Да, да, да, всегда, да». И вдруг мне почудилось, как будто по самой середине одной из аллей, между стенами стриженной зелени, жеманно подавая руку даме в напудренной прическе и пестром роброне, выступал на красных каблуках кавалер, в золоченом кафтане и кружевных манжетках, с легкой стальной шпагой на бедре... Станные, бледные лица... Я хочу взглянуть в них... Но уже всё исчезло, и только по-прежнему болтает вода.

– Это сны бродят, – шепнула Эллис, – вчера можно было увидеть много... много. Сегодня и сны бегут человеческого глаза. Вперед! Вперед!

Мы поднялись кверху и полетели дальше. Так плавлен и ровен был наш полет, что казалось: не мы двигались, а всё, напротив, к нам двигалось навстречу. Появились горы, темные, волнистые, покрытые лесом; они выросли и поплыли на нас... Вот уже они протекают под нами со всеми своими извилинами, ложбинами, узкими лугами, с огненными точками в заснувших деревушках у быстрых ручьев на дне долин; а впереди опять вырастают и плывут другие горы... Мы в недрах Шварцвальда.^[37]

Горы, всё горы... и лес, прекрасный, старый, могучий лес. Ночное небо ясно: я могу признать каждую породу деревьев; особенно великолепны пихты с их белыми прямыми стволами. Кое-где на опушках виднеются дикие козы; стройно и чутко стоят они на своих тонких ножках и прислушиваются, красиво повернув головы и насторожив большие трубчатые уши. Развалина башни печально и слепо выставляет с вершины голого утеса свои полуобрушенные зубцы; над старыми, забытыми камнями мирно теплится золотая звездочка. Из небольшого, почти черного озера поднимается, как таинственная жалоба, стелющееся уkanie маленьких жаб. Мне чудятся другие звуки, длинные, томные, подобные звукам эоловой арфы...^[38] Вот она, страна легенд! Тот же самый тонкий лунный дым, который поразил меня в Швецингене, разлит здесь повсюду, и чем дальше расходятся горы, тем гуще этот дым. Я насчитываю пять, шесть, десять различных тонов, различных пластов тени по уступам гор, и над всем этим безмолвным разнообразием задумчиво царит луна. Воздух струится мягко и легко. Мне самому легко и как-то возвышенно спокойно и грустно...

– Эллис, ты должна любить этот край!

– Я ничего не люблю.

– Как же это? А меня?

– Да... тебя! – отвечает она равнодушно.

Мне сдается, что ее рука теснее прежнего обвивает мой стан.

– Вперед! Вперед! – говорит Эллис с каким-то холодным увлечением.

– Вперед! – повторяю я.

XXI

Сильный, переливчатый, звонкий крик раздался внезапно над нами и тотчас же повторился уже немного впереди.

– Это запоздалые журавли летят к вам, на север, – сказала Эллис, – хочешь к ним присоединиться?

– Да, да! подними меня к ним...

Мы взвились и в один миг очутились рядом с пролетавшей станицей.

Крупные красивые птицы (их всего было тринадцать) летели треугольником, резко и редко махая выпуклыми крыльями. Туго вытянув голову и ноги, круто выставив грудь, они стремились неудержимо и до того быстро, что воздух свистал вокруг. Чудно было видеть на такой высоте, в таком удалении от всего живого такую горячую, сильную жизнь, такую неуклонную волю. Не переставая победоносно рассекать пространство, журавли изредка перекликались с передовым товарищем, с вожакom, и было что-то гордое, важное, что-то несокрушимо-самоуверенное в этих громких возгласах, в этом подоблачном разговоре. «Мы долетим небось, хоть и трудно», – казалось, говорили они, ободряя друг друга. И тут мне пришло в голову, что таких людей, каковы были эти птицы, в России – где в России! в целом свете немного.^[39]

– Мы теперь летим в Россию, – промолвила Эллис. Я уже не в первый раз мог заметить, что она почти всегда знала, о чем я думаю. – Хочешь вернуться?

– Вернемся... или нет! Я был в Париже; неси меня в Петербург.

– Теперь?

– Сейчас... Только закрой мне голову твоей пеленой, а то мне дурно делается.

Эллис подняла руку... но прежде чем туман охватил меня, я успел почувствовать на губах моих прикосновение того мягкого, тупого жала...

XXII

«Слуша-а-а-ай!» – раздался в ушах моих протяжный крик. «Слуша-а-а-ай!» – словно с отчаянием отозвалось в отдалении. «Слуша-а-а-ай!» – замерло где-то на конце света. Я встрепенулся. Высокий золотой шпиль бросился мне в глаза: я узнал Петропавловскую крепость.

Северная, бледная ночь! Да и ночь ли это? Не бледный, не больной ли это день? Я никогда не любил петербургских ночей; но на этот раз мне даже страшно стало: облик Эллис исчезал совершенно, таял, как утренний туман на июльском солнце, и я ясно видел всё свое тело, как оно грузно и одиноко висело в уровень Александровской колонны. Так вот Петербург! Да, это он, точно. Эти пустые, широкие, серые улицы; эти серо-беловатые, желто-серые, серо-лиловые, оштукатуренные и облупленные дома, с их впалыми окнами, яркими вывесками, железными навесами над крыльцами и дрянными овощными лавчонками; эти фронтоны, надписи, будки, колоды; золотая шапка Исаакия; ненужная пестрая биржа; гранитные стены крепости и взломанная деревянная мостовая; эти барки с сеном и дровами; этот запах пыли, капусты, рогожи и конюшни, эти окаменелые дворники в тулупах у ворот, эти скорченные мертвенным сном извозчики на продавленных дрожках, – да, это она, наша Северная Пальмира.^[40] Всё видно кругом; всё ясно, до жуткости четко и ясно, и всё печально спит, странно громоздясь и рисуясь в тускло-прозрачном воздухе. Румянец вечерней зари – чахоточный румянец – не сошел еще, и не сойдет до утра с белого; беззвездного неба; он ложится полосами по шелковистой глади Невы, а она чуть журчит и чуть колыхнется, торопя вперед свои холодные синие воды...

– Улетим, – взмолилась Эллис.

И, не дожидаясь моего ответа, она понесла меня через Неву, через Дворцовую площадь, к Литейной. Шаги и голоса слышались внизу: по улице шла кучка молодых людей с испитыми лицами и толковала о танцклассах. «Подпоручик Столпаков седьмой!» – крикнул вдруг спро-сонку солдат, стоявший на часах у пирамидки ржавых ядер, а несколько подалее, у раскрытого окна высокого дома, я увидел девицу в измятом шелковом платье, без рукавчиков, с жемчужной сеткой на волосах и с папироской во рту. Она благоговейно читала книгу: это был том сочинений одного из новейших Ювеналов.^[41]

– Улетим! – сказал я Эллис.

Минута, и уже мелькали под нами гнилые еловые лесишки и моховые болота, окружающие Петербург. Мы направлялись прямо к югу: небо и земля, всё становилось понемногу темней и темней. Больная ночь, больной день, больной город – всё осталось назади.

XXIII

Мы летели тише обыкновенного, и я имел возможность уследить глазами, как постепенно разворачивалось передо мною, подобно свитку нескончаемой панорамы, обширное пространство родной земли. Леса, кусты, поля, овраги, реки – изредка деревни, церкви – и опять поля, и леса, и кусты, и овраги... Грустно стало мне и как-то равнодушно скучно. И не потому стало мне грустно и скучно, что пролетал я именно над Россией. Нет! Сама земля, эта плоская поверхность, которая расстилалась подо мною; весь земной шар с его населением, мгновенным, немощным, подавленным нуждою, горем, болезнями, прикованным к глыбе презренного праха; эта хрупкая, шероховатая кора, этот нарост на огненной песчинке нашей планеты, по которому проступила плесень, величаемая нами органическим, растительным царством; эти люди-мухи, в тысячу раз ничтожнее мух; их слепленные из грязи жилища, крохотные следы их мелкой, однообразной возни, их забавной борьбы с неизменяемым и неизбежным, – как это мне вдруг всё опротивело! Сердце во мне медленно перевернулось, и не захотелось мне более глазеть на эти незначительные картины, на эту пошлую выставку... Да, мне стало скучно – хуже чем скучно. Даже жалости я не ощущал к своим собратьям: все чувства во мне потонули в одном, которое я назвать едва дерзаю: в чувстве отвращения, и сильнее всего, и более всего во мне было отвращение – к самому себе.

– Перестань, – шепнула Эллис, – перестань, а то я тебя не снесу. Ты тяжел становишься.

– Ступай домой, – отвечал я ей тем же голосом, каким я говаривал эти слова моему кучеру, выходя в четвертом часу ночи от московских приятелей, с которыми с самого обеда толковал о будущем России и значении общины. – Ступай домой, – повторил я и закрыл глаза.

XXIV

Но я скоро раскрыл их. Эллис как-то странно ко мне прижималась; она почти толкала меня. Я посмотрел на нее – и кровь во мне застыла. Кому случалось увидеть на лице другого внезапное выражение глубокого ужаса, причину которого он не подозревает, – тот меня поймет. Ужас, томительный ужас кривил, искажал бледные, почти стертые черты Эллис. Я не видал ничего подобного даже на живом человеческом лице. Безжизненный, туманный призрак, тень... и этот замирающий страх...

– Эллис, что с тобой? – проговорил я наконец.

– Она... она... – отвечала она с усилием, – она!

– Она? Кто она?

– Не называй ее, не называй, – торопливо пролепетала Эллис. – Надо спастись, а то всему конец – и навсегда... Посмотри: вон там!

Я обернул голову в сторону, куда указывала мне трепещущая рука, – и увидел нечто... нечто действительно страшное.

Это нечто было тем страшнее, что не имело определенного образа. Что-то тяжелое, мрачное, изжелта-черное, пестрое, как брюхо ящерицы, – не туча и не дым, медленно, змеиным движением, двигалось над землей. Мерное, широкое колебание сверху вниз и снизу вверх, колебание, напоминающее зловещий размах крыльев хищной птицы, когда она ищет свою добычу; по временам неизъяснимо противное приникание к земле, – паук так приникает к пойманной мухе... Кто ты, что ты, грозная масса? Под ее веянием – я это видел, я это чувствовал – всё уничтожалось, всё немело... Гнилым, тлетворным холодком несло от нее – от этого холодка тошнило на сердце и в глазах темнело и волосы вставали дыбом. Это сила шла; та сила, которой нет сопротивления, которой всё подвластно, которая без зрения, без образа, без смысла – всё видит, всё знает, и как хищная птица выбирает свои жертвы, как змея их давит и лижет своим мерзлым жалом...

– Эллис! Эллис! – закричал я как иступленный. – Это смерть! сама смерть!

Жалобный звук, уже прежде слышанный мною, вырвался из уст Эллис – на этот раз он скорее походил на человеческий отчаянный вопль – и мы понеслись. Но наш полет был странно и страшно неровен; Эллис кувыркалась на воздухе, падала, бросалась из стороны в сторону, как куропатка, смертельно раненная или желающая отвлечь собаку от своих детей. А между тем, вслед за нами, отделившись от неизъяснимо-ужасной массы, покатались какие-то длинные, волнистые отпрыски, словно протянутые руки, словно когти... Громадный образ закутанной фигуры на бледном коне^[42] мгновенно встал и взвился под самое небо... Еще тревожнее, еще отчаяннее заметалась Эллис. «Она увидела! Всё кончено! Я пропала!.. – слышался ее прерывистый шёпот. – О, я несчастная! Я могла бы воспользоваться, набраться жизни... а теперь... Ничтожество, ничтожество!»

Это было слишком невыносимо... Я лишился чувств.

XXV

Когда я опомнился – я лежал навзничь в траве и чувствовал во всем теле глухую боль, как от сильного ушиба. На небе брезжило утро: я мог ясно различать предметы. Невдалеке, вдоль березовой рощицы, шла дорога, усаженная раkitами: места мне казались знакомые. Я начал припоминать, что произошло со мною, – и содрогнулся весь, как только пришло мне на ум то последнее безобразное видение...

«Но чего же испугалась Эллис? – подумал я. – Ужели и она подлежит *ее* власти? Разве она не бессмертна? Разве и она обречена ничтожеству, разрушению? как это возможно?»

Тихий стон раздался вблизи. Я повернул голову. В двух шагах от меня недвижно лежала распростертая молодая женщина в белом платье, с разбросанными густыми волосами, с обнаженным плечом. Одна рука закинулась за голову, другая упала на грудь. Глаза были закрыты, и на стиснутых губах выступила легкая алая пена. Неужели это Эллис? Но Эллис – призрак, а я видел перед собою живую женщину. Я подполз к ней, наклонился...

– Эллис? ты ли это? – воскликнул я. Вдруг, медленно затрепетав, приподнялись широкие веки; темные пронзительные глаза впились в меня – и в то же мгновение в меня впились и губы, теплые, влажные, с кровавым запахом... мягкие руки крепко обвили меня вокруг моей шеи, горячая полная грудь судорожно прижалась к моей.

– Прощай! прощай навек! – явственно произнес замиравший голос – и всё исчезло.

Я приподнялся, шатаясь на ногах словно пьяный – и, проведя несколько раз руками по лицу, огляделся внимательно. Я находился возле большой ...ой дороги, в двух верстах от своей усадьбы. Солнце уже встало, когда я добрался домой.

Все следующие ночи я ждал – и, признаюсь, не без страха – появления моего призрака; но он не посещал меня более. Я даже отправился однажды в сумерки к старому дубу, но и там не произошло ничего необыкновенного. Впрочем, я не слишком жалел о прекращении такого странного знакомства. Я много и долго размышлял об этом непонятном, почти бестолковом казусе – и я убедился, что не только наука его не объясняет, но что даже в сказках, в легендах не встречается ничего подобного. Что такое Эллис в самом деле? Привидение, скитающаяся душа, злой дух, сильфида,^[43] вампир, наконец? Иногда мне опять казалось, что Эллис – женщина, которую я когда-то знал, – и я делал страшные усилия, чтобы припомнить, где я ее видел... Вот-вот – казалось иногда, – сейчас, сию минуту вспомню... Куда! всё опять расплывалось как сон. Да, я думал много и, как водится, ни до чего не додумался. Спросить совета или мнения других людей я не решался, боясь прослыть за сумасшедшего. Я, наконец, бросил все свои размышления: правду сказать, мне было не до того. С одной стороны, подвернулась эманципация^[44] с разверстанием угодий и пр. и пр.; а с другой, собственное здоровье расстроилось: грудь заболела, бессонница, кашель. Всё тело сохнет. Лицо желтое, как у мертвеца. Доктор уверяет, что у меня крови мало, называет мою болезнь греческим именем «анемией» – и посылает меня в Гастейн.^[45] А посредник божится,^[46] что без меня с крестьянами «не сообразишь»...

Вот тут и соображай!

Но что значат те пронзительно чистые и острые звуки, звуки гармоник, которые я слышу, как только заговорят при мне о чьей-нибудь смерти? Они становятся всё громче, всё пронзительней... И зачем я так мучительно содрогаюсь при одной мысли о ничтожестве?

Примечания

Источники текста

Черновой автограф первоначального варианта главы I и начала главы II (в пагинации окончательного текста); датируется концом 1855 г. (поправки и дополнения сделаны в 1861 г.), 2 с. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 74; описание см.: *Mazon*, p. 97; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 294.

Наброски плана; датируются 1861 годом. 2 с. в рукописи чернового автографа первоначального варианта первой и начала второй главы (см. выше).

Призраки. Фантазия. Черновой автограф; датируется 1861–1863 гг. На первом листе: «Задумана весьма давно, в 50-х годах, начата тоже давно. Кончена в Бадене, в субботу 1/13-го июня 1863 г.», 46 с. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 88; описание см.: *Mazon*, p. 61; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 202.

Призраки. Фантазия. Беловой автограф, с поправками, 1863 г. 50 с. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 74; описание см.: *Mazon*, p. 65; фотокопия – *ИРЛИ*, Р. I, оп. 29, № 293.

Беловой автограф предисловия. 1863 г. 1 с. Хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 97. Журнал «Эпоха», 1864, № 1–2, январь-февраль, с. 1–31.

Вырезка из журнала «Эпоха» с поправками Тургенева. 32 с. Хранится в отделе рукописей *Bibl Nat*, Slave 74; описание см.: *Mazon*, p. 65; микрофильм – *ИРЛИ*.

Т, Соч, 1865, ч. 5, с. 297–333.

Т, Соч, 1868–1871, ч. 5, с. 293–329.

Т, Соч, 1874, ч. 5, с. 287–323.

Т, Соч, 1880, т. 8, с. 5–41.

Т, ПСС, 1883, т. 8, с. 1–40.

Впервые опубликовано: *Эпоха*, 1864, № 1–2, с подписью: Ив. Тургенев (вышли из печати 24 марта 1864 г.).

Печатается по тексту *Т, ПСС*, 1883 с учетом списка опечаток, приложенного к изданию 1880 г., с устранением явных опечаток, не замеченных Тургеневым, а также со следующими исправлениями по другим источникам:

Стр. 194, строка 8: «увлекала» вместо «увлекла» (по черновому и беловому автографам).

Стр. 194, строка 24: «но глянул в сторону» вместо «но взглянул в сторону» (по всем источникам до *Т, Соч*, 1880).

Стр. 199, строка 25: «кипит на нем» вместо «кипит в нем» (по всем источникам до *Т, Соч*, 1880).

Стр. 199, строки 37–38: «Блакганг» вместо «Блакгант» (по всем источникам до *Т, Соч*, 1880).

Стр. 215, строка 25: «он ложится полосами» вместо «он ложится» (по всем источникам до *Т, Соч*, 1880).

Стр. 217, строки 21–22: «Под ее веянием» вместо «Под ее влиянием» (по беловому автографу).

Стр. 218, строки 22–23: «закинулась за голову» вместо «закинулась на голову» (по всем источникам до *Т, Соч*, 1880).

Замысел «Призраков», как свидетельствуют письма Тургенева и его же отметка на титульном листе чернового автографа, возник не позже 1855 года. Самая форма объединения «душевных отрывочных впечатлений» в художественное целое была найдена не сразу^[47].

А. В. Половцев в своих воспоминаниях передает следующий рассказ Тургенева о создании «Призраков»: «„Призраки“ произошли случайно. У меня набрался ряд картин, эскизов, пейзажей. Сперва я хотел сделать картинную галерею, по которой проходит художник, рассматривая отдельные картины, но выходило сухо. Поэтому я выбрал ту форму, в которой и появились „Призраки“» (Новое время, 1883, № 2731, 5 (17) октября).

Первое упоминание в переписке Тургенева о работе над «Призраками» относится к 1855 г. «Любезный Катков, – писал Тургенев 28 ноября (10 декабря) 1855 г. – <...> Вы желаете знать заглавие моего рассказа, предназначенного в Ваш журнал, – вот оно: „Призраки“, рассказ И. Т. Готов он будет к 15-му и непременно уже к 20-му декабря». Очевидно, в это время Тургенев написал первоначальный вариант первой главы «Призраков». Характер этого автографа (текст его см.: *Т, ПСС и П, Сочинения*, т. 9, с. 377–378) свидетельствует о том, что к ноябрю 1855 г. композиция задуманного ранее произведения уже определилась. В качестве сюжетной нити, объединяющей разрозненные картины в единое целое, писатель избрал не прогулку героя с художником по картинной галерее, а его фантастические ночные полеты с призраком белой женщины.

Однако, едва начав в ноябре 1855 г. работу над «Призраками», Тургенев оставил ее, увлекшись замыслом повести «Фауст». Заверив М. Н. Каткова в письме к нему от 13 (25) декабря 1855 г., что «Призраки» будут представлены для опубликования в «Русском вестнике» не позднее 1 (13) января 1856 г., Тургенев и на этот раз обещание свое не сдержал.

В конце 1856 г. между Тургеневым и редактором «Русского вестника» возникла полемическая переписка, продолжавшаяся и в начале 1857 г. М. Н. Катков, приняв повесть «Фауст», опубликованную в сентябрьской книжке «Современника», за «переодетые „Призраки“», публично обвинил Тургенева в том, что он не выполнил взятые на себя обязательства и напечатал в «Современнике» рассказ, обещанный «Русскому вестнику», о чем было заранее объявлено читателям (об этом см. письмо Тургенева к М. Н. Лонгинову от 4 (16) декабря 1856 г.). Прежде эту «прескверную повесть», как назвал Тургенев «Призраки» в письме к П. В. Анненкову от 3 (15) января 1857 г., он собирался сжечь, теперь же решил непременно закончить и поместить в «Современнике», «хотя бы для того, чтобы доказать г-ну Каткову, что „Призраки“ – не „Фауст“» (см. письмо Тургенева И. И. Панаеву от 16 (28) декабря 1856 г.).

Однако в течение нескольких лет Тургенев не возвращался к работе над «Призраками». Лишь в 1861 г., завершив роман «Отцы и дети», Тургенев дал обещание Ф. М. Достоевскому написать для его нового журнала «Время» повесть, известив его в письме от 16 (28) октября 1861 г., что он уже на днях принялся за работу и что повесть эта будет закончена к новому, 1862 году. Тургенев имел в виду «Призраки».

Таким образом, следующий этап работы Тургенева над «Призраками» начался в октябре 1861 г. Видимо, в это время писатель пересмотрел набросок, сделанный им в 1855 г., и внес в него некоторые изменения. В первоначальном варианте повествование велось от третьего лица, теперь, начиная от слов «Молодой человек хочет взглядеться» (*Т, ПСС и П, Сочинения*, т. 9, с. 378) – от первого. К записи 1855 г. Тургенев прибавил также два неполных абзаца, составивших в окончательном тексте начало второй главы до слов: «Я быстро оглянулся» (см. с. 192).

Внеся эти изменения и дополнения, Тургенев прервал работу и записал на одном из листов чернового автографа первоначального варианта план всего произведения, в котором зафиксировал только самое важное: «картины». Общий замысел произведения к этому времени определился настолько, что Тургенев перечислил в плане эпизоды, составившие содержание «Призраков», в той же последовательности, в какой они вошли в окончательный текст:

1. Высоко наверху.
2. Над лесом.
3. Над рекой.

4. Уездный город.
5. Остр(ов) Уайт.
6. Пруд. Дома.
7. Понтийские болота.
8. Окрес(тности) Рима.
9. Лаго Маджиоре.
10. Волга.
11. Париж.
12. Швецинген.
13. Шварцвальд.
14. Петербург.
15. Общий вид России.

Между перечисленными в плане под арабскими цифрами «картинами» и главами, обозначенными в окончательном тексте римскими цифрами, устанавливаются следующие соответствия: 1 – V, 2 – VI, 3 – VI, 4 – VIII, 5 – IX, 6 – X, 7 – XII, 8 – XII, 9 – XIV, 10 – XV, 11 – XIX, 12 – XX, 13 – XX, 14 – XXII, 15 – XXIII.

Помимо общего плана «Призраков», Тургенев на том же листе набросал несколько отрывочных фраз (см.: *Т, ПСС и П, Сочинения*, т. 9, с. 378–379), большая часть которых была реализована в окончательном тексте. Например: «Смерть, крик и стон Эллис» – описаны в XXIV главе; «Швецинген (светлые мгновения, появление напудренных модников)» – конспективная запись содержания XX главы; «Журавли» – полет журавлей описан в XXI главе. Запись «О будущем – судьбу» передает содержание разговора героя и Эллис, исключенного из окончательного текста (см. ниже, с. 475–476). Фраза: «Я уже не удивляюсь, я вошел в очарованный круг» – в несколько измененном виде вошла в главу III (см. с. 192). Заметки – «лунный дым», «звук Waldhorn'a» определили характер описания Шварцвальда (см. с. 213). В рукописях «Призраков» и в окончательном тексте не нашла отражения только одна заметка плана – «Тишина полудня в Англии с Гарсией», смысл которой неясен и которая, вероятно, не имеет отношения к «Призракам».

Записав в октябре 1861 г. план «Призраков», Тургенев опять прервал работу над этим произведением. В письме к Ф. М. Достоевскому от 30 октября (11 ноября) 1861 г. он сообщал: «Повесть, назначенная для „Времени“, не подвинулась в эти последние дни, много других мыслей (не литературных) вертелось у меня в голове... Но я либо ничего не буду писать, или напишу эту вещь для Вас. А писать ее хочется». В начале декабря 1861 г. положение всё еще не изменилось. В письме от 4 (16) декабря 1861 г. Тургенев писал М. Н. Каткову, перепутавшему на этот раз «Отцы и дети» с «Призраками»: «„Отцы и дети“ назначена для „Русского вестника“ и появятся только в нем <...> Редакции „Времени“ я действительно обещал небольшую повесть, которая вся будет состоять из 40 страниц – из которых написано 2 или 3; между ею и Вашей повестью нет ничего общего».

Вновь к работе над «Призраками» Тургенев приступил, вероятно, во второй половине декабря 1861 г., так как 26 декабря 1861 (7 января 1862 г.) он писал Ф. М. Достоевскому: «Повесть, назначенная для „Времени“, подвинулась в последнее время – и я имею твердую надежду, что она будет готова ко 2-му номеру; но ведь Вы сами знаете – дело это прихотливое».

Работа Тургенева над черновым автографом началась с того, что он переписал текст сделанного им ранее наброска первой и начала второй глав «Призраков», сократив начальный абзац (описание неудавшегося спиритического сеанса) и введя форму рассказа от первого лица и в ту часть текста, которая осталась неисправленной в октябре 1861 г. (см. выше).

Несмотря на обещание закончить «Призраки» в ближайшее время, Тургенев писал их с большими перерывами. Так, 2 (14) марта 1862 г. он признался Ф. М. Достоевскому, что в последние два месяца «почти ничего не работал» и что повесть «едва-едва подвигается».

Некоторый перелом в работе наступил в середине марта 1862 г., когда Тургенев оставил, как он сообщил Достоевскому 18 (30) марта 1862 г., начатую им «другую вещь» (т. е. «Довольно») и писал «несколько дней с увлечением» повесть, предназначенную для «Времени».

Полемика вокруг «Отцов и детей» (1862) опять почти на год отвлекла Тургенева от работы над «Призраками». Хотя писатель и утверждал в письме к П. В. Анненкову около 6 (18) мая 1862 г., что в течение года он сможет писать только «сказки», «лирические штуки», к которым он относил и «Призраки», интенсивная работа над ними началась только весной 1863 г. и была закончена 1 (13) июня того же года. Параллельно, еще до завершения произведения в целом, Тургенев начал переписывать «Призраки», о чем он сообщал Достоевскому 13 (25) мая 1863 г.: «Теперь могу Вас уведомить, что я начал переписывать вещь – право, не знаю, как назвать ее – во всяком случае не повесть, скорее фантазию, под заглавием: „Призраки“! <...> В ней с лишком два листа печатных, по моему расчету».

Черновой автограф содержит большое количество вариантов, что свидетельствует о напряженности творческих поисков писателя. Особенно это относится к центральным главам произведения, посвященным описаниям Рима, Парижа и Петербурга. Большая часть поправок, внесенных в текст чернового автографа, носила стилистический характер^[48].

Переписывая «Призраки», Тургенев, очевидно, делал исправления и в рукописи, которую он копировал, так как окончательный текст чернового автографа мало отличается от текста белой рукописи. Однако в последней имеется несколько существенных элементов текста, которых нет в черновом автографе. Так, заключительный абзац последней главы, в которой герой рассказывает о звуковых ассоциациях, возникающих у него при упоминании о чьей-либо смерти (см. с. 219), появился только в белом автографе. В черновом автографе нет также развернутого сравнения света в окне комнаты с человеческим глазом, который как бы караулит героя (см. с. 209).

К аналогичным добавлениям, сделанным Тургеневым в белом автографе и усиливающим трагическую напряженность повествования, относится и образ фигуры на «бледном коне» (см. с. 217), отделившийся от «неизъяснимо ужасной массы» – символа смерти. В главе, посвященной Степану Разину, Тургенев добавил в белом автографе два штриха, подчеркивающих непримиримость интересов дворян и восставших мужиков. Слов: «да в топоры их, белоручек» (с. 207) и «В качестве дворянина и землевладельца...» (с. 208) – в черновом автографе нет^[49].

26 июня (8 июля) 1863 г. Тургенев сообщил Н. В. Щербаню, что он закончил работу над белым автографом, а затем начал еще раз переписывать «Призраки» – для того, чтобы отправить рукопись в Петербург в качестве наборной. Н. В. Щербань хотел помочь Тургеневу выполнить эту работу, но писатель отказался. «Ваше предложение переписать „Призраки“ очень любезно, – отвечал Тургенев Щербаню 1 (13) июля 1863 г., – но, переписывая, я *исправляю*, что несколько облегчает эту противную работу или по крайней мере дает ей смысл».

15 (27) сентября 1863 г. наборная рукопись «Призраков» вместе с сопроводительным письмом была отправлена Тургеневым П. В. Анненкову.

Посылая «Призраки» П. В. Анненкову, Тургенев просил его ознакомить с рукописью литературных друзей. Одновременно Тургенев давал читать оставшийся у него экземпляр «Призраков» (белой автограф) своим знакомым в Баден-Бадене и в Париже. Так, при личном свидании в Париже Тургенев вручил 17 (29) ноября 1863 г. «Призраки» Н. В. Щербаню с просьбой прочитать и высказать о них свое мнение (см. воспоминания Н. В. Щербаня о Тургеневе – *Рус Вестн*, 1890, № 8, с. 11). Возвращая рукопись «Призраков» Тургеневу, Н. В. Щербань подчеркнул в тексте неудачные, с его точки зрения, выражения и обозначил эти места крестиками на полях^[50].

Ознакомившись с пометами Н. В. Щербаня, Тургенев писал ему 24 ноября (6 декабря) 1863 г.: «Приношу вам <...> *искреннее* спасибо за ваши замечания на мои „Призраки“. Это

спасибо не одно пустое слово, в чем вы будете в состоянии *убедиться*, когда прочтете „Призраки” *в печати*. За исключением двух-трех, я согласен *со всеми* вашими замечаниями; некоторые – очень верны и тонки^[51]. Но, например, „широкий шорох” мне именно нужен как звукоподражательность^[52]; Тюльерийский сад отделен от частного Наполеонского сада – чисто крепостным рвом; и сам г. Базанкур сравнивает зуавов с тиграми»^[53]. Отчасти под влиянием отзывов друзей, а отчасти потому, что многое в «Призраках» не удовлетворяло самого автора, он еще раз пересмотрел текст и внес в него изменения. «Что касается „Призраков”, – писал 13 (25) декабря 1863 г. Тургенев П. В. Анненкову, – то я получаю отовсюду столько увещаний их не печатать, что я сам начинаю думать, что появление сего продукта моей музы было бы крайне неуместно; а потому, если возможно, уговорите Достоевского повременить и, во всяком случае, не печатать до моего приезда, потому что я намерен (и уже сделал) делать некоторые поправки».

Поправки, сделанные в тексте «Призраков» на этом этапе, не отражены в беловом автографе, так как Тургенев записал их на отдельных листах, чтобы иметь возможность послать П. В. Анненкову для перенесения в наборную рукопись. 20 декабря 1863 г. (1 января 1864 г.) Тургенев писал П. В. Анненкову: «Завтра я вам вышлю небольшой список поправок (в случае, если вы скажете: печатать) и прошу вас с низким поклоном продержать корректуру».

Помимо значительного числа исправлений стилистического характера, которые были сделаны главным образом в местах текста, отмеченных Н. В. Щербанем, основной текст «Призраков» отличается от белового автографа некоторыми сокращениями. Так, образ Эллис, благодаря сокращениям, приобрел в основном тексте еще более фантастический характер.

Возможно, что изменение некоторых черт образа Эллис было сделано Тургеневым под впечатлением отзыва Ф. М. Достоевского, который писал ему 23 декабря ст. ст. 1863 г.: «Если что в „Призраках” и можно бы покритиковать, так это то, что они *не совсем вполне* фантастичны. Еще бы больше надо. Тогда бы *смелости* больше было. У Вас являющееся существо объяснено как упырь. По-моему бы не надо этого объяснения» (*Достоевский, Письма*, т. 1, с. 344).

Достоевский, очевидно, имел в виду исключенный Тургеневым текст, который следовал в беловом автографе за фразой: «Но всё лицо тотчас же вновь оцепенело» (с. 206):

«– Ревность! – воскликнули. – Но что значит твоя любовь? – И притом ты меня обманула: ты хотела предсказать мне мою судьбу.

– Я сказала: может быть.

– Разве это не от тебя зависит? Ты мне не отвечаешь? Это несносно! И я опять-таки повторяю: как можешь ты, без тела, без крови, любить меня?

– У *тебя* есть кровь, – промолвила моя спутница, и мне показалось, что она улыбнулась.

Сердце во мне ёкнуло. Рассказы об упырях, о вампирах пришли мне на ум. „Неужели я во власти подобного существа?..”» (*Т, ПСС и П, Сочинения*, т. 9, с. 383–384).

В основном тексте Тургенев убрал еще несколько публицистических, злободневных намеков. Так, исключены строки о том, что время Цезаря «только теперь наступает», и вместо упоминания о томе «сочинений г-на Вс. Крестовского» сказано: «том сочинений одного из новейших Ювеналов» (с. 215).

Получив от Тургенева список поправок, которые нужно было внести в наборную рукопись «Призраков», П. В. Анненков в ответном письме от 1 (13) января 1864 г. посоветовал автору сделать еще одну поправку в тексте: «...я прошу позволения к Вашим поправкам присовокупить одну мою, – писал он, – именно уничтожить то место, где Эллис указывает на дорогу, по которой гуляют *треугольные люди*. Меня постоянно спрашивали – что это значит, а так как я решительно не мог отвечать на вопросы, то и прошу об исключении места. Вы лучше моего знаете, что фантастическое никак не должно быть бессмысленным, впрочем – власть Ваша!..»^[54] Тургенев с замечанием П. В. Анненкова согласился (см. с. 207).

«Призраки» были опубликованы в конце марта 1864 г. в двудесятом (1 и 2) номере журнала братьев Достоевских «Эпоха», который был разрешен 27 января ст. ст. взамен закрытого «Времени» (см.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975, с. 12). Первой публикации «Призраков» предпослано было небольшое вступление: «Вместо предисловия. Всякое настоящее произведение искусства должно говорить само за себя, стоять на своих ногах – а потому не нуждается в предварительных объяснениях и толкованиях. Не имея убеждения, что „Призраки“ принадлежат к подобного рода произведениям, я решаюсь просить читателя, который, быть может, в праве ожидать от меня что-нибудь посерьезнее, не искать в предлагаемой фантазии никакой аллегории или скрытого значения, а просто видеть в ней ряд картин, связанных между собою довольно поверхностно» (Эпоха, 1864, №№ 1 и 2, с. 1). В дальнейшем текст «Призраков» перепечатывался без каких-либо существенных исправлений. «Вместо предисловия» в собраниях сочинений Тургенева не воспроизводилось.

Исследователи неоднократно отмечали, что многие главы «Призраков», несмотря на их фантастический колорит, написаны либо по личным впечатлениям Тургенева (описание Лаго-Маджоре, Понтийских болот, острова Уайта, окрестностей Рима), либо являются переработкой семейных преданий (глава о Степане Разине). «Призраки» отличаются точностью пейзажных зарисовок различных мест Европы, сделанных как бы с натуры, но особенная достоверность соблюдена Тургеневым при описании усадьбы героя, воспроизводящем Спасское-Лутовиново (пруд, плотина, усаженная раkitами дорога, березовая рощица). Оценки империи Наполеона III и самодержавного Петербурга также очень близки к суждениям самого Тургенева и зачастую являются почти дословными цитатами из его писем^[55].

«Призраки» Тургенева имели не только реальные, но и литературные источники. Избрав сюжетным стержнем своей «фантазии» полеты героя с таинственным существом, писатель воспользовался давней литературной традицией. В ряду непосредственных предшественников Тургенева по разработке этого мотива в русской литературе А. С. Орлов называл В. Ф. Одоевского – автора «Сильфиды» (1837) и Гоголя – автора «Страшной мести» и «Вия»^[56]. К названным произведениям можно было бы прибавить еще «Странника» (1832) А. Ф. Вельтмана, «Тарантас» (1845) В. А. Соллогуба (заключительная глава), «Сон» (1844) Шевченко^[57]. В работах последних лет о Тургеневе отмечены параллели между «Призраками» и «Фаустом» Гёте, книгой Марка Аврелия «Наедине с собой» и др.^[58]

Немецкая критика 1860-х годов настаивала на общности мотивов «фантазии» Тургенева и «таинственных рассказов» Э. По («Tales of mystery»), вышедших в 1852 г.^[59]

Современный немецкий исследователь высказывает также предположение, что какие-то черты образа Эллис могли быть почерпнуты Тургеневым из сказаний баденской земли^[60].

«Призраки» Тургенева насыщены не только широкими литературными ассоциациями: философско-историческая основа этой «фантазии» также опирается на давнюю традицию, истоки которой можно обнаружить в проникнутых пессимизмом поучениях Экклезиаста^[61]. Марк Аврелий, Светоний, Паскаль, Шопенгауэр – вот мыслители, в философских системах которых исследователи находят точки соприкосновения с теми или иными мотивами «Призраков»^[62]. Следует, однако, отметить, что в период работы над «Призраками» Тургенев испытывал повышенный интерес именно к Шопенгауэру, находя в его книгах подтверждение своим собственным представлениям об исторической перспективе развития Запада и России. Полемизируя с Герценом, Тургенев писал ему 23 октября (4 ноября) 1862 г.: «Тот *самум*, о котором ты говоришь, дует не на один Запад – он разливается и у нас <...> Россия – не Венера Милосская в черном теле и в узах; это – такая же девица, как и старшие ее сестры <...> Шопенгауэра, брат, надо читать поприлежнее, Шопенгауэра».

Следы чтения Шопенгауэра обнаруживаются и в рукописных материалах к «Призракам». Так, среди заметок, сделанных Тургеневым в октябре 1861 г. на автографе первой редакции «фантазии» имеется запись: «Вид земли (Шопенгауэр)»^[63].

Вид земли с птичьего полета изображен в XXIII главе (см. выше, с. 216), и это описание навеяно следующими строками книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление»: «В беспредельном пространстве бесчисленные светящиеся шары; вокруг каждого из них вращаются около дюжины меньших, освещенных; горячие из-внутри, они покрыты оцепенелой холодной корой, на которой налет плесени породил живые и познающие существа, – вот эмпирическая истина, реальное, мир»^[64].

Пессимистическая философия «Призраков» не ограничивала, однако, страстных стремлений человеческой личности к счастью и не лишала ее способности наслаждаться прекрасным, о чем свидетельствуют, например, такие картины, как описание острова Isola Bella в главе XIV. Герой «Призраков» выражает также активное неприятие конкретных форм социальной жизни Европы и России^[65].

Критика буржуазных нравов и социально-политических учреждений Западной Европы имела в русской литературе давнюю традицию: она сказалась уже в творчестве русских просветителей XVIII в. В XIX в. эта традиция была продолжена в критических статьях Белинского, в цикле Герцена «Концы и начала» (1862–1863), в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевского, в статье Салтыкова-Щедрина «Драматурги-паразиты во Франции» (1863).

Герцен, критикуя буржуазную цивилизацию и отказывая ей в перспективе исторического прогресса, выражал уверенность, что Россия избежит пройденного Европой буржуазного, пути развития и выработает свои собственные формы социального устройства (Герцен, т. 15, с. 159, 198). Достоевский, исходя из иных идейных предпосылок, чем Герцен, пришел тем не менее в «Зимних заметках» к заключению, близкому к выводам автора «Концов и начал» (см.: Достоевский, т. 5, с. 360). Чернышевский связывал будущее прогрессивное развитие как Европы, так и России с активностью народных масс (Чернышевский, т. 7, с. 618).

Обнаружив в «Призраках» неприятие буржуазной цивилизации, их автор с не меньшей резкостью отрицал и дворянско-бюрократический Петербург. Заявив об общности исторического пути развития Европы и России, Тургенев в то же время не дал ответа на вопрос, каким именно будет этот путь.

Еще в процессе работы над «Призраками» Тургенев неоднократно высказывал сомнение в их актуальности. Писатель назвал свое новое произведение «фантазией» и опасался, что читатели сочтут ее «несколько детской», не имеющей «человеческого смысла», «очепушившейся».

Первым читателем «Призраков» был П. В. Анненков. «Не фантазией следовало бы назвать Вашу статью, а элегией, – писал он Тургеневу 25 сентября ст. ст. 1863 г. – Нет никакого сомнения, что в теперешнее время никто не даст себе труда уразуметь этого *автобиографического* очерка. Вряд ли даже найдет признание достойное и поэтическая его сторона...» (отрывок: Достоевский и Т, с. 73, автограф: ИРЛИ, ф. 7, № 8). Считая, что «фантазия» Тургенева «покажется всем странностью», Анненков тем не менее предсказал ей успех, потому что «странность эта привязывается к громкому и почетному имени» (там же).

В ответном письме Тургенев отдал должное проницательности П. В. Анненкова, распознавшего автобиографическую основу «Призраков». «Я даже дрогнул, прочтя слово: „автобиография“, и невольно подумал, что когда у доброго легавого пса нос чуток, то ни один тетерев от него не укроется, в какую бы он ни забился чащу», – писал Тургенев Анненкову 28 сентября (10 октября) 1863 г.

Ф. М. Достоевский, так же как и П. В. Анненков, считал, что «Призраки» следовало напечатать, ибо появление произведения, написанного в фантастическом роде, должно было пробудить, по его мнению, в «здоровой части общества» интерес к «поэтической правде». «Форма „Призраков“ всех изумит, – писал Достоевский 23 декабря ст. ст. 1863 г. Тургеневу. – А реальная их сторона даст выход всякому изумлению» (Достоевский, Письма, т. 1, с. 343). Досто-

евский подчеркнул, что в «„Призраках” слишком много реального. Это реальное есть *тоска развитого и сознающего существа, живущего в наше время*, уловленная тоска. Этой тоской наполнены все „Призраки”» (там же). Но многое в «Призраках» Достоевского и не удовлетворило: «...по-моему, в них много дряни: что-то гаденькое, болезненное, старческое, *неверующее* от бессилия, одним словом весь Тургенев с его убеждениями, но поэзия много выкупит; я перечел в другой раз» (там же, с. 352).

Расхождения в мировоззрении, а затем и личная ссора Достоевского с Тургеневым как автором «Дыма»^[66] сделали возможным появление впоследствии в «Бесах» (1871) пародической фигуры писателя Кармазинова, выступившего с публичным чтением этюда «Мерсі», в котором наряду с «Довольно» и другими произведениями высмеивались и «Призраки» (см.: *Достоевский*, т. 12, с. 226, 311).

Среди первых читателей «Призраков» были и такие, которые, признавая «прелесть описаний и картин», с недоумением спрашивали: «но эта летающая Эллис – что она?» (*Боткин и Т.*, с. 192).

В. П. Боткин высказал предположение, что «тут кроется какая-то аллегория». Однако, по его мнению, «эта аллегория остается неразгаданной и производит то, что впечатление целого сводится не то на диссонанс, не то на неразрешенный аккорд какого-то смутного тона. Очевидно, что эта аллегория чего-то внутреннего, личного, тяжкого, глухого и неразрешенного». К Боткину присоединился и А. Д. Галахов (там же, с. 192–193). С. С. Дудышкин, возвращая прочитанные «Призраки» П. В. Анненкову, писал, что эта вещь ему «беспрельдно нравится», но что читатели «это летание двух душ над землей примут за тягу вальдшнепов или фантастическую сказку» (*ИРЛИ*, ф. 7, № 37).

В связи с недоумениями по поводу Эллис Тургенев писал Боткину 26 ноября (8 декабря) 1863 г.: «Тут нет решительно никакой аллегории, я так же мало сам понимаю Эллис, как и ты. Это ряд каких-то душевных dissolving views, вызванных переходным и действительно тяжелым и темным состоянием моего Я». Н. Страхов впоследствии иначе, чем Боткин, истолковал образ Эллис. В статье о «Дыме» Тургенева он писал: «Эллис, сама воплощенная поэзия, носит поэта по земле, показывает ему современный мир и воскрешает перед ним грозные картины истории» (*Отеч Зап.*, 1867, № 5, с. 170). От аллегорического толкования образа Эллис Тургенев предостерегал и в предисловии, которое было предпослано журнальному тексту «Призраков» (см. выше, с. 476).

Появление «Призраков» было встречено в печати немногочисленными и по большей части недоуменными отзывами.

Критик «Современника» М. А. Антонович писал: картины, изображенные в новом произведении Тургенева, «уж до того бессвязны и мало проникнуты чем-нибудь одним и до того разнохарактерны, что вся фантазия производит очень неясное и неопределенное впечатление» (*Совр.*, 1864, № 4, Современное обозрение, с. 236). Д. И. Писарев в статье «Реалисты» (1864) назвал «Призраки» в числе «пустяков» (*Писарев*, т. 3, с. 106). Анонимный рецензент «Книжного вестника» заявил, что «Призраки» надо понимать «как художественный каприз, довольно эффектный, но не прибавляющий ничего к нашему общественному сознанию» (*Книжный вестник*, 1864, № 8, с. 162). О падении таланта Тургенева в связи с появлением «Призраков» писал также Вл. Зотов (*Северное сияние*, 1865, т. 4, с. 78), а сатирические журналы (*Искра*, 1864, № 13, *Будильник*, 1865, № 58) напечатали иллюстрированные пародии, высмеивающие полет героя фантазии с Эллис (см.: *Клевенский М. М. Тургенев в карикатурах и пародиях. – Гол Мин.*, 1918, № 1–3, с. 200–201), и тем самым подтвердили предсказание П. В. Анненкова, что «„Искра” представит карикатуру автора, летающего по поднебесью» (*Достоевский, и Т.*, с. 73).

Критик «Библиотеки для чтения» Е. Эдельсон, отметив «частные поэтические достоинства» «Призраков», писал о том, что произведение в целом проникнуто «безотрадным, тяже-

лым чувством», мешающим писателю отнестись к «судьбам родной страны» с прежним «горячим участием» и заставляющим его смотреть с «холодной, бессильной грустью на неизбежный порядок вещей» (*Б-ка Чит*, 1864, апрель-май, с. 5).

Как бы подводя итог обсуждению «Призраков» в печати, Тургенев писал 21 мая (2 июня) 1864 г. П. В. Анненкову. «По всем известиям, „Призраки“ потерпели общее фиаско. А все-таки мне сдается, недурной человек был покойник».

М. М. Ковалевский, известный историк и социолог, близкий знакомый Тургенева, не согласился с высказанной в печати оценкой «Призраков». В его архиве сохранился незавершенный набросок статьи, относящейся, по-видимому, к 1870-м годам, в которой он намеревался возразить критикам «Призраков»^[67].

«„Призраки“, – писал Ковалевский, – это вся субъективно понятая история человечества, это раскрытие того, как понимает поэт поворотные эпохи в ее развитии: Рим цезарей, период возрождения, торжество индустриализма и буржуазии, и как противовес ей романтизм Герм(ании) – какое впечатление выносит он из сопоставления этих эпох и соответствующих им цивилизаций с русской современностью и во что, в частности, вылилась эта современность»^[68]. Своеобразие художественной задачи, поставленной перед собою автором «Призраков», Ковалевский видел в том, что Тургенев стремился Еызвать в воображении своих читателей не исторические лица и события, а «современную им народную психологию» (там же).

Замысел Ковалевского остался неосуществленным, но мысли, близкие к основным положениям неопубликованного конспекта его статьи о «Призраках», впоследствии были высказаны П. Л. Лавровым.

В 1884 г. в статье «И. С. Тургенев и развитие русского общества» Лавров писал, что появление таких произведений Тургенева, как «Призраки» (1863), «Довольно» (1864) и «Дым» (1867), связано с углублением в русском обществе реакции, которая в это время «открыто вступила в свои обычные права»^[69]. Считая создание «Призраков» своеобразным откликом писателя на общественно-политическую обстановку в России в начале 1860-х годов, Лавров, как и Ковалевский, увидел за фантастическими образами этого произведения раздумья автора об истории человечества. «Фантастические образы „Призраков“, – писал он, – поэт перевел на язык точной мысли в „Довольно“, когда он говорил о природе (охватывающей и бессознательный исторический процесс)» (там же, с. 104). При этом Лавров подчеркивал, что «народ, сближению которого с передовою интеллигенциею никогда не верил Иван Сергеевич, представлялся ему не смирным и примиренным со своею судьбою, но в „великую ночь“, когда „можно видеть, что бывает закрыто в другое время“, сны этого народа воплощались для поэта в грозное видение» (там же, с. 103).

Еще при жизни Тургенева «Призраки» были переведены на немецкий (1865), французский (1866), датский (1873) и шведский (1876) языки. Особый интерес представляют немецкий и французский переводы.

На немецкий язык «Призраки» были переведены Фридрихом Боденштедтом^[70] при непосредственном участии Тургенева, который дважды редактировал перевод в рукописи, а затем просмотрел и корректурные листы^[71].

Французский перевод принадлежал П. Мериме и был напечатан впервые в журнале «Revue des Deux Mondes» (в номере от 15 июня 1866 г.). Однако этот перевод не отличался точностью, что заставило Тургенева внести в него, перед опубликованием в сборнике «Nouvelles moscovites» (1869), большое количество исправлений^[72].

Условные сокращения

Архивохранилища

Bibl Nat – Национальная библиотека (Париж).

ГБЛ — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (Москва).

ГИМ – Государственный исторический музей (Москва).

ГПБ – Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции (Москва).

ЦГИАЛ – Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

Печатные источники

Алексеев – Алексеев М. П. И. С. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе. – В кн.: Труды Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Вып. 1, с. 37–80.

Анненков – Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960.

Анненков и его друзья – П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892.

Антокольский – Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В. В. Стасова. СПб.; М.: изд. т-ва М. О. Вольф, 1905.

Белинский – Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959, т. I–XIII.

Б-ка Чит – «Библиотека для чтения» (журнал).

Богдановы – Богдановы Л. Я., Б. В. Родной край в произведениях И. С. Тургенева. Орел, 1959. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Боткин и Т – В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869. По материалам Пушкинского Дома и Толстовского музея. Приготовил к печати Н. Л. Бродский. М.; Л.: Academie, 1930.

Вольф, Хроника – Вольф А. И. Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1881 года. СПб., 1877–1884, ч. I–III.

Герцен – Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Наука, 1954–1965.

Гоголь — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. I–XIV.

Гол Мин – «Голос минувшего» (журнал).

Гончаров – Гончаров И. А. Собр. соч. в 8-ми т. М.: Гослитиздат, 1952–1955.

Гончаров и Тургенев – И. А. Гончаров и И. С. Тургенев. По неизданным материалам Пушкинского Дома. С предисл. и примеч. Б. М. Энгельгардта. Пг.: Academia, 1923.

Гончаров, Необыкновенная история – Гончаров И. А. Необыкновенная история. – В кн.: Сборник Российской публичной библиотеки. Пг., 1924. Т. 2, вып. 1, с. 7–189.

Горбачева, Молодые годы, Т – Горбачева В. Н. Молодые годы Тургенева. (По неизд. материалам). Казань, 1926.

Григорьев — Григорьев Ап. Сочинения. СПб.: Издание Н. Страхова, 1876. Т. I.

Гроссман, Театр Т — Гроссман Л. П. Театр Тургенева. Пг., 1924.

Грузинский – Грузинский А. Е. И. С. Тургенев. Личность и творчество. М., 1918.

Гутьяр – Гутьяр Н. М. И. С. Тургенев. Юрьев, 1907

Даль – Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.

Для легкого чтения – Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей. СПб., 1856–1859. Т. I–IX.

Добролюбов — Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. / Под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянского. Т. I–VI. М.; Л.: Гослитиздат, 1934–1941 <1945>.

Достоевский – Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Художественные произведения. Т. I–XVII. Л.: Наука, 1972.

Достоевский, Письма – Достоевский Ф. М. Письма, тт. I–IV. / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л.: ГИЗ – Academia – Гослитиздат, 1928–1959.

Дружинин – Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. VII.

Житова – Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.

Звенья – Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. / Под ред. В. Д. Бонч-Бруевича, А. В. Луначарского и др., т. I–VI, Academia; т. VIII–IX, Госкультпросветиздат. М.; Л., 1932–1951.

ЗО 1852 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. М., 1852. Ч. I–II.

ЗО 1859 – Записки охотника. Сочинение Ивана Тургенева. 2-е изд. СПб., 1859, Ч. I–II.

ЗО 1860 – Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского, 1860. Т. I.

ЗО 1865 — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865, Т. I.

ЗО 1869 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1869. Ч. I.

ЗО 1874 – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1874). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. I.

ЗО 1880 – И. С. Тургенев. Записки охотника. Полное собрание очерков и рассказов. 1847–1876. 1-е стереот. изд. СПб., 1880.

ИВ – «Исторический вестник» (журнал).

Иванов — Проф. Иванов Ив. Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Личность. Творчество. Нежин, 1914.

Истомин — Истомин К. К. «Старая манера» Тургенева (1834–1855 гг.) СПб., 1913.

Киреевский – Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., ^[73]. Вып. II, ч. 1; М., 1929, Вып. II, ч. 2.

Клеман – Клеман М. К. И. С. Тургенев – переводчик Флобера. – В кн.: Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1934. Т. 5.

Клеман, Летопись – Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / Под ред. Н. К. Пиксанова. М.; Л.: Academia, 1934.

Клеман, Программы – Клеман М. К. Программы «Записок охотника». – Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1941, т. 76, серия филол. наук, вып. 11, с. 88–126.

Корнилов. Годы странствий – Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.; М., 1925.

Куприевич – Куприевич А. А. «Стихотворения в прозе» Тургенева и «Диалоги» Леопарди. – В кн.: Minerva. Сборник, изданный при историко-филологической семинарии Высших женских курсов в Киеве. Киев, 1913. Вып. 1.

Лит Арх – Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения / Ин-т рус. лит. – Пушкинский Дом. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938–1953. Т. 1–4.

Лит Музеум – Литературный Музеум (Цензурные материалы 1-го отд. IV секции Государственного архивного фонда). Под редакцией А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., 1919.

Лит Мысль – Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922, Л., 1925. Т. I–III.

Лит Насл – Литературное наследство. М.: Наука, 1931–1977. Т. 1–86.

Лит учеба – «Литературная учеба» (журнал).

Лит-библиол сб – Литературно-библиологический сборник / Под ред. Л. К. Ильинского. Пг., 1918. (Труды Комис. Рус. библиол. об-ва по описанию журналов XIX в.; Вып. 1).

Львов-Прач – Собрание народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части. СПб., 1806.

Мазон – Мазон А. Парижские рукописи И. С. Тургенева. Перевод с французского Ю. Ган под редакцией Б. Томашевского. М.; Л.: Academia, 1931.

Моск Вед – «Московские ведомости» (газета).

Моск Вестн – «Московский вестник» (журнал).

Москв – «Москвитянин» (журнал).

Н Мир – «Новый мир» (журнал).

Назарова – Назарова Л. Н. К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851–1853). – Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 162–167.

Некрасов — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем/Под общ. ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина и К. И. Чуковского. М., 1948–1953. Т. I–XII.

Никитенко – Никитенко А. В. Дневник в 3-х т. Л.: Гослитиздат, 1955–1956.

Оксман, Сб, 1959 – Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959.

Орл сб, 1955 – «Записки охотника» И. С. Тургенева. Сборник статей и материалов. Орел, 1955. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Орл сб, 1960 – И. С. Тургенев (1818–1883–1958). Статьи и материалы. Орел, 1960. (Государственный музей И. С. Тургенева).

Отеч Зап – «Отечественные записки» (журнал).

Отчет ИПБ – Отчеты императорской Публичной библиотеки.

ПД, Описание – Описание рукописных и изобразительных материалов Пушкинского Дома, вып. IV, И. С. Тургенев. Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Переписка Грота с Плетневым – Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896. Т. I–III.

Петербургский сборник – «Петербургский сборник», изданный Н. Некрасовым. СПб., 1846.

Писарев – Писарев Д. И. Сочинения: В 4-х т. М.: Гослитиздат, 1955–1956.

Писемский – Писемский А. Ф. Письма. Подготовка текста и комментарии М. К. Клемана и А. П. Могиланского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936 (Литературный архив).

Письма к Герцену – Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объясн. примеч. М. Драгоманова. Женева, 1892.

Поляк – Поляк Л. М. История повести Тургенева «Клара Милич». – В кн.: Творческая история. Исследования по русской литературе / Под ред. Н. К. Пиксанова. «Никитинские субботники». М., 1927.

Пушкин – Пушкин. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16.

Пытин, Списки пьес Т — Пыпин Н. А. Списки пьес И. С. Тургенева в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского. – О театре. Сборник статей. Л.; М., 1940.

Революционеры-семидесятники – И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. М.; Л.: Academia, 1930.

Рус арх – «Русский архив» (журнал).

Рус беседа – «Русская беседа» (журнал).

Рус Бог-во – «Русское богатство» (журнал).

Рус Вед – «Русские ведомости» (газета).

Рус Мысль – «Русская мысль» (журнал).

Рус Обзор – «Русское обозрение» (журнал).

Рус Обзор – «Русское обозрение» (журнал).

Рус Пропилеи – Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и подготовил к печати М. О. Гершензон. М., 1915–1916. Т. 1–4.

- Рус Сл* – «Русское слово» (журнал).
Рус Ст – «Русская старина» (журнал).
Рында – Рында И. Ф. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 1903.
Сакулин – Сакулин П. Н. На грани двух культур. И. С. Тургенев. М., 1918.
Салтыков-Щедрин — Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти т. М.: Гослитиздат, 1965–1977.
Сб ГБЛ – «И. С. Тургенев», сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1940 (Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина).
Сб ПД 1923 – «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год». Пгр., 1922.
Сев Вестн – «Северный вестник» (журнал).
Сев Обзор – «Северное обозрение» (журнал). *Соболевский* – Великорусские народные песни. СПб., 1896, т. II; СПб., 1897, т. III.
Сев Пчела – «Северная пчела» (газета).
Совр – «Современник» (журнал).
СПб Вед – «Санкт-Петербургские ведомости» (газета).
Станкевич, Переписка – Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840 / Ред. и изд. Алексея Станкевича. М., 1914.
Стасюлевич – Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке. СПб., 1911–1913. Т. I–V.
Т и его время — Тургенев и его время. Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского. М., 1923.
Т и круг Совр – Тургенев и круг «Современника»: Неизданные материалы, 1847–1861. М.; Л., 1930.
Т и Савина – Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И. С. Тургеневе. С предисловием и под редакцией почетного академика А. Ф. Кони при ближайшем сотрудничестве А. Е. Молчанова. Пг., 1918.
Т и театр — Тургенев и театр. М., 1953.
Т сб (Кони) – Тургеневский сборник Под ред. А. Ф. Кони. Пб.: Коопер. изд-во литераторов и ученых. 1921. (Тургеневское общество).
Т сб (Пиксанов) – Тургеневский сборник. Пгр.: «Огни», 1915 (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова).
Т сб, вып. 1–5 – Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1964–1969. Вып. 1–5.
Т, 1856 – Повести и рассказы И. С. Тургенева с 1844 по 1856 г. 3 части. СПб., 1856.
Т, Двор гнездо, 1859 – Дворянское гнездо. Роман И. С. Тургенева. М., 1859.
Т, Дым, 1868 – «Дым», соч. Ив. Тургенева. М.: Изд. 1-е и 2-е бр. Салаевых, 1868.
Т, Отца и дети, 1862 – «Отцы и дети». Сочинение Ив. Тургенева.
Т, ПСС и П, Письма – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961–1968.
Т, ПСС и П, Сочинения – Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960–1968.
Т, ПСС, 1883 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. Посмертное издание. СПб., тип. Глазунова, 1883. Т. 1–10.
Т, ПСС, 1897 — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. 4-е изд. тип. Глазунова. СПб., 1897. Т. 1–10.
Т, ПСС, 1898 («Нива») – Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 12 т. Приложение к журналу «Нива». Изд. А. Ф. Маркса. СПб., 1898; Пг.: Лит. – изд. отд. Наркомпроса, 1919.
Т, Рудин, 1936 – Тургенев И. С. Рудин. Дворянское гнездо. 2-е изд. М.; Л.: Academia, 1936.

- Т, сб (Бродский)* – И. С. Тургенев: Материалы и исследования. Сборник / Под ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940.
- Т, Соч, 1860–1861* — Сочинения И. С. Тургенева. Исправленные и дополненные. М.: Изд. Н. А. Основского. 1861. Т. II, III.
- Т, Соч, 1865* – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865. Ч. II, III.
- Т, Соч, 1865* — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1864). Ч. 1–5. Карлсруэ: Изд. бр. Салаевых, 1865.
- Т, Соч, 1868–1871* – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1868. Ч. 2, 3.
- Т, Соч, 1869* — Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). Ч. 1–8. М.: Изд. бр. Салаевых, 1868–1871.
- Т, Соч, 1874* – Сочинения И. С. Тургенева (1844–1868). М.: Изд. бр. Салаевых, 1874. Ч. 2, 3.
- Т, Соч, 1880* — Сочинения И. С. Тургенева. М.: Насл. бр. Салаевых, 1880. Т. 1–10.
- Т, Соч, 1891* – Полн. собр. соч. И. С. Тургенева. 3-е изд. Т. 1–10. СПб., 1891.
- Т, Сочинения* – Тургенев И. С. Сочинения / Под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л., 1929–1934. Т. I–XII.
- Т, СС* – Тургенев И. С. Собр. соч. В 12-ти т. М., 1953–1958.
- Т, СС («Огонек»)* – Тургенев И. С. Собр. соч. / Под ред. Н. Л. Бродского, И. А. Новикова, А. А. Суркова. Прил. журн. «Огонек». Т. I–XI. М.: Правда, 1949.
- Т, СС, 1975* – Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12-ти т. М.: Художественная литература, 1975 (падение продолжается).
- Т, Стих, 1885* — Стихотворения И. С. Тургенева. СПб., 1885.
- Т, Стих, 1891* — Стихотворения И. С. Тургенева. 2-е изд. СПб., 1891.
- Т, Стих, 1950* — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1950. (Б-ка поэта. Малая серия).
- Т, Стих, 1955* — Тургенев И. С. Стихотворения. Л., 1955 (Б-ка поэта. Малая серия, 3-е изд.).
- Т, Стихотворения и поэмы, 1970* — Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. / Вступит. статья, подготовка текста и примечания И. Ямпольского. Л., 1970. (Б-ка поэта. Большая серия).
- Творч путь Т* – Творческий путь Тургенева. Сборник статей под редакцией Н. Л. Бродского. Пг.: Сеятель, 1923.
- Театр насл* — Театральное наследство. Сообщения. Публикации / Ред. коллегия: А. Я. Альтшуллер, Г. А. Лапкина. М.: Искусство, 1956.
- Толстой* – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1958. Т. 1–90.
- Труды ГБЛ* – Труды Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Academia, 1934–1939. Вып. III–IV.
- Тучкова-Огарева* – Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1959.
- Успенский* – Успенский Г. И. Полн. собр. соч. М.: Изд. АН СССР, 1940–1954. Т. 1–14.
- Фет* – Фет А. А. Мои воспоминания (1848–1889). М., 1890. Ч. I и II.
- Фигнер* – Фигнер В. Полное собрание сочинений в семи томах. Изд. 2-е. М.: Изд. Общества политкаторжан. 1932.
- Центрархив, Документы* – Документы по истории литературы и общественности. – И. С. Тургенев. М.; Пг.: Центрархив РСФСР, 1923. Вып. 2.
- Чернышевский* – Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т. М: Гослитиздат, 1939–1953. Т. I–XVI (доп.).
- Шаталов* – Шаталов С. Е. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева. Арзамас, 1961.

1858, *Scènes, I* – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Nouvelles russes, traduites avec l'autorisation de l'auteur par M. X. Marmier. Paris, 1858.

1858, *Scènes, II* – Scènes de la vie russe, par M. J. Tourguéneff. Deuxième série, traduite avec la collaboration de l'auteur par Louis Viardot. Paris, 1858.

Ausgewählte Werke – Iwan Turgénjew's Ausgewählte Werke. Autorisierte Ausgabe, Mitau – Hamburg, E. Behre's Verlag, 1869–1884.

BE – «Вестник Европы» (журнал).

Delaveau – Récits d'un chasseur par Ivan Tourguénef. Traduits par H. Delaveau. Seule édition autorisée par l'auteur. Paris, 1858.

Dolch — Dolch Oscar. Geschichte des deutschen Studententhums von der Gründung der deutschen Universitäten bis zu den deutschen Freiheitskriegen. Leipzig, 1858.

Flaubert, Correspondance – Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Nouvelle édition augmentée. Paris: L. Conard, 1926–1930, séries I–IX.

Flaubert, Correspondance. Suppl. – Flaubert G. Œuvres complètes. Correspondance. Supplément (1830–1880). Paris, 1954. T. 1–4.

Granjard, Ivan Tourguénev – Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs», par Henri Granjard. Paris, 1960. (Bibliothèque russe de L'Institut d'études slaves, t. XXXI).

Mazon – Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits par André Mazon. Paris, 1930.

Mérimée – Mérimée Prosper. Correspondance générale. Etablie et annotée par Maurice Parturier. I série, tt. 1–6. Paris, «Le Divan», II série, t. 1–9. Toulouse, Privat.

T, Nouv corr inéd – Tourguénev Ivan. Nouvelle correspondance inédite. Textes rec., annot. et précédés d'une introd. par Alexandre Zviguilsky. Paris, 1971 (t. 1), 1972 (t. 2).

Tagebücher — Varnbagen K.-A. Tagebücher, 1861–1905, Bd. I–XV.

Zabel – Zabel E. Iwan Turgenjew als Dramatiker. – Literarische Streifzüge durch Russland. Berlin, 1885.

Комментарии

1.

Миг один... и нет волшебной сказки – И душа полна возможным... – Последние стихи седьмой строфы стихотворения А. А. Фета «Фантазия» (1847 г.). В тексте Фета: «Миг еще...». 1 (13) октября 1863 г. Тургенев писал Фету: «...я, несмотря на свое бездействие, угодился, однако, сочинить и отправить Анненкову вещь, которая, вероятно, Вам понравится – ибо не имеет никакого человеческого смысла – даже эпитафия взята у Вас». Проводя здесь некоторую шутиливую параллель между стихотворением Фета «Фантазия» и своей «фантазией» в прозе, Тургенев имел в виду то обстоятельство, что в 1856 г., когда готовился сборник стихов поэта, было много толков по поводу «темного» смысла именно этого стихотворения (см.: Фет А. А. Мои воспоминания. М., 1890. Ч. I, с. 105).

2.

...глупости с вертящимися столами! – Сатирическую зарисовку спиритического сеанса Тургенев дал в главе XV «Дыма» (см. с. 336–337). Об ироническом отношении Тургенева к спиритизму свидетельствует и его письмо из Парижа от 9 (21) марта 1857 г. П. В. Анненкову.

3.

... «стожары» блистали над самой головой. – Стожары – народное название некоторых созвездий. В данном случае речь идет о Плеядах.

4.

...всякий, кому случалось летать во сне. – 1 (13) августа 1849 г. Тургенев писал Полине Виардо из Куртавнеля: «Мне этой ночью приснился весьма странный сон, как это иногда со мною бывает; я вам его сейчас расскажу. Мне казалось, что я иду вдоль дороги, обсаженной тополями <...> Вдруг я вижу, что на меня идет какая-то высокая белая фигура и делает мне знак следовать за нею <...> Несколько мгновений спустя мне кажется, что мы стоим на сильном ветру; я оглядываюсь кругом и, несмотря на темноту, могу различить, что мы находимся на вершине чрезвычайно высокого утеса, поднимающегося над морем. – Да куда же мы идем? – спрашиваю я у своего путеводителя. – Мы птицы, – отвечает он, – летим <...> Но в это самое мгновение меня подхватывает ветер. Не могу вам передать тот трепет счастья, который я почувствовал, развертывая свои широкие крылья; я поднялся против ветра, испустив громкий победоносный крик, а затем ринулся вниз к морю, порывисто рассекая воздух, как это делают чайки. В эту минуту я был птицей, уверяю вас...»

5.

С потрясающим шумом ~ закрыл глаза... – Эти строки близки к описанию бушующего моря в письме Тургенева к Полине Виардо от 1 (13) августа 1849 г.

6.

На южном берегу острова Уайт... – Остров в проливе Ла-Манш у южного берега Великобритании. Тургенев жил на о. Уайт в августе 1860 г.

7.

...семь раз тринадцать... – Имеется в виду суеверное представление о магическом значении чисел 7 и 13.

8.

Понтийские болота – обширная заболоченная местность на северо-запад от древнего города Террацина.

9.

...вдоль старинной латинской дороги... – Имеется в виду знаменитая Аппиева дорога, проложенная в 312 году до н. э. от Рима до Капуи.

10.

Мы внезапно взвились ~ повторил я протяжно: – Caesar! – В этой сцене отразился один из эпизодов пребывания Тургенева в Италии в 1840 г., о котором он рассказал в воспоминаниях о Н. В. Станкевиче (см. наст. изд., т. 5, с. 363). Кай Юлий Цезарь (102 или 100–44 г. до н. э.), древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель. Разгромив войска политических противников, Цезарь за год до смерти сосредоточил в своих руках всю полноту власти, сохранив, однако, римские республиканские формы правления.

11.

И вдруг мне почудилось ~ Прочь, прочь отсюда. – Тургенев еще раз коснулся личности Цезаря в речи о Шекспире (1864 г.), сказав, что победы Шекспира «прочней побед Наполеонов и Цезарей».

12.

Isola Bella! – проговорила Эллис. – Lago Maggiore... – Речь идет об острове Изола Белла на озере Лаго-Маджоре на южном склоне Альп. Тургенев посетил это место в 1840 г. (см.: Гревс И. М. Тургенев и Италия. Л., 1925, с. 66–72).

13.

...в помпейяновском вкусе... – Имеется в виду художественный стиль богатых зданий города Помпеи (лат. Pompei), засыпанного при извержении Везувия в 79 году н. э.

14.

...этрускими вазами... – Глиняные вазы с росписью или рельефами, относящиеся к культуре, созданной племенем этрусков на территории древней Италии (VII–II вв. до н. э.).

15.

Праксителев Фавн – статуя, изваянная греческим скульптором Праксителом (IV в. до н. э.). Известна по римским копиям.

16.

...лейденской банки. – Электрический конденсатор в виде стеклянного сосуда. Одним из изобретателей его был профессор Лейденского университета Мушенбрук (Musschenbroek) Питер, ван (1692–1761).

17.

«Сарынь на кичку!» – повелительный возглас старинных волжских разбойников при нападении на судно, приказ его команде собраться на носу («сарынь» – сброд, «кичка» – нос корабля).

18.

...в Волчьей Долине Фрейшюца... – Речь идет о месте действия второй картины второго акта оперы Вебера (Weber, Карл-Мария, 1786–1826) «Волшебный стрелок».

19.

Сперва все осталось безмолвным ~ что-то со стоном упало в воду и стало захлебываться... – Возможно, что этот эпизод навеян расправой казаков Разина в 1670 г. в Царицыне с воеводой Тимофеем Васильевичем Тургеневым. Он был утоплен ими в Волге (см.: Костомаров Н. И. Бунт Стеньки Разина. Изд. 2-е. СПб., 1859, с. 110–112, а также: Гутьяр, с. 7–8).

20.

Степан Тимофеевич! – Речь идет о Степане Разине, вожде крестьянского восстания 1667–1671 годов. Эпизод «Призраков», посвященный Степану Разину, находится в явной зависимости от материалов, сообщаемых Н. И. Костомаровым (см. выше).

21.

Фролка! где ты, пес? – О брате Степана Разина Фроле Тимофеевиче Разине в указанной выше монографии Н. И. Костомарова говорится неоднократно (с. 48, 103, 175, 211–215, 217, 218), причем именуется он также «Фролкой».

22.

...да в топоры их, белоручек! – О поголовном истреблении Степаном Разиным помещиков Костомаров в своей книге говорит постоянно (с. 138–139, 143, 145, 157 и др.).

23.

...звероподобными зуаеами... – Имеются в виду французские воинские части, созданные в 1830 г. в Алжире. Название получили от зуау – одного из африканских племен.

24.

Минуя дворец ~ пролил французскую кровь... – Речь идет о подавлении мятежа монархистов против Конвента, поднятого ими в Париже 4 октября 1795 г. Подавлением руководил Наполеон Бонапарт. Особенно кровавой была расправа с восставшими на паперти церкви св. Роха.

25.

...третий Наполеон сделал то же самое. – Речь идет о кровавых событиях 4 декабря 1851 г. – расправе Наполеона III с противниками государственного переворота, произведенного им за два дня до этих событий.

26.

...гарсонам Вефура – официантам парижского ресторана Вефур (Vefour).

27.

Толпы народа ~ ревновать не придется...». – См. высказывания Тургенева об империи Наполеона III в письмах к П. В. Анненкову от 1 (13) августа 1859 г. и А. А. Фету от 5 (17) ноября 1860 г.

28.

Ригольбош – прозвище, под которым в 1855–1860 гг. выступала танцовщица парижских публичных балов Маргарита Бадель. В 1860 году были изданы ее мемуары.

29.

...от этих мабилей ~ жокей-клуба... – Мабиль – правильное Мабий – место, где устраивались публичные балы (франц. bal Mabille) с канканом, кадрилию и пр. Герцен в «Письмах из Франции и Италии» (1847–1852) утверждал, что эти балы были доступны только для состоятельных буржуа. Мабий, как характерная принадлежность Парижа, назван также в «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевского (см.: Достоевский, т. 5, с. 49). Мезон-дорэ (франц. Maison Dorée, золотой дом) – комфортабельный ресторан в Париже, расположенный на углу Итальянского бульвара и улицы Лафит. Ресторан получил название от здания, в котором он находился (архитектор Лёмэр, 1839). Ганден (франц. gandin – «богатый бездельник»); слово это вошло в употребление от фамилии персонажа пьесы Теодора Барьера «Парижане» (1855). Бишь – от парижского арготизма biche (также bibiche), означающего проститутку, пристающую на улице и в публичных местах к мужчинам. Жокей-клуб (Jockey-Club) – парижский аристократический клуб любителей конного спорта. Основан в 1833 г.

30.

Фигаро – герой комедий Бомарше (Beaumarchais) Пьера-Огюстена (1732–1799) «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро»; здесь – в значении «сводник».

31.

...сержандевилей – от франц. sergent de ville – городской (полицейский).

32.

...де-Фуа... – Речь идет о французском гигиенисте и фармацевте Франсуа Фуа (Foy, 1793–1867).

33.

...д-ра Шарля Альбера... – D-r Charles-Albert, псевдоним Шомоно (Chaumonnot), парижский врач-венеролог.

34.

...во вкусе помпадур... – Речь идет о рококо – стиле искусства, развившемся в первой половине XVIII века. Распространению стиля рококо содействовала маркиза Помпадур (Pompadour, 1721–1764), фаворитка французского короля Людовика XV.

35.

...берниниевской школы... – Бернини (Bernini) Джованни Лоренцо (1598–1680), итальянский архитектор и скульптор, крупнейший представитель искусства барокко.

36.

Мангейм (Manheim) – город великого герцогства Баденского, культурный, торговый и промышленный центр южной Германии. Тургенев был в Мангейме весной 1840 г.

37.

Шварцвальд (Schwarzwald) – старинное название горного хребта на правобережье верхнего течения Рейна. Горный хребет покрыт хвойным лесом, определившим его название («черный лес»). В горах Шварцвальда расположен Баден-Баден, в котором Тургенев жил в 1863–1871 гг.

38.

...подобные звукам эоловой арфы... – Имеется в виду музыкальный инструмент, состоящий из деревянного ящика с натянутыми струнами, звучащими от движения воздуха. Название получил от мифологического бога ветров Эола.

39.

Сильный, переливчатый ~ в целом свете немного. – Об этом же Тургенев сообщал П. Виардо в письме от 2 (14) сентября 1850 г.

40.

Северная Пальмира. – Пальмира – древний город в Сирии, знаменитый своими архитектурными памятниками. С середины XVIII века Северной Пальмирой начали называть Петербург.

41.

Она благоговейно читала книгу: это был том сочинений одного из новейших Ювеналов. – Ювенал (Juvenalis) Децим Юний (ок. 60 – ок. 127 г.), римский поэт-сатирик. Здесь речь идет об одном из представителей русской обличительной поэзии шестидесятых годов. В черновом и беловом автографах Тургеневым было названо имя Вс. Крестовского (см. Т ПСС и П, Сочинения, т. 9, с. 387; см. также: Т сб, вып. 5, с. 141).

42.

Громадный образ закутанной фигуры на бледном коне... – Образ заимствован Тургеневым из Библии: «И я взглянул, и вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть» (Откровение Иоанна Богослова, гл. 6, стих 8).

43.

...сильфида... – В кельтской и германской мифологии, а также в средневековом фольклоре многих европейских народов, сильфидами и сильфами называли духов воздуха.

44.

...эманципация – от франц. *émancipation* – освобождение, раскрепощение. Здесь имеется в виду реформа 19 февраля 1861 г.

45.

Гастейн (Гаштейн, Gastein) – австрийский курорт, расположенный в одноименной долине Зальцбургского герцогства.

46.

А посредник божится... – Речь идет о «мировых посредниках», назначавшихся губернаторами из среды местных дворян-землевладельцев и утверждавшихся Сенатом для разрешения некоторых земельных и финансовых конфликтов между помещиками и крестьянами в пору реализации реформы 1861 г.

47.

Работа Тургенева над «Призраками» впервые была освещена – по печатным источникам – в статье Н. К. Пиксанова «История „Призраков”» (Т и его время, с. 164–192). В тургеневедении высказывалось мнение, что «Призраки» на протяжении своей продолжительной творческой истории имели три редакции, оформившиеся в самостоятельные произведения («Фауст», «Призраки» и «Довольно») (см.: Азадовский М. К. Три редакции «Призраков». – Уч. зап.

Ленингр. гос. ун-та, серия филолог. наук, 1939, № 20, вып. 1, с. 123–154). Гипотеза эта оказалась несостоятельной, так как она не подтверждается рукописями «Призраков», которые впервые были изучены в ходе подготовки издания Т, ПСС и П, Сочинения.

48.

Наиболее существенные варианты чернового автографа см.: Т сб, вып. 5, с. 112–146.

49.

Свод вариантов белого автографа см.: Г, ПСС и П, Сочинения, т. 9, с. 377–388.

50.

См.: Кийко Е. И. «Призраки». Пометы Н. В. Щербаня на белом автографе. – Т сб, вып. 2, с. 167–170.

51.

В действительности из 31-й пометы Щербаня Тургенев принял во внимание только 16 (см. там же, с. 169).

52.

Ср.: «Чудно было видеть лес сверху, его щетинистую спину, освещенную луной. Он казался каким-то огромным, заснувшим зверем и сопровождал нас широким непрерывным шорохом, похожим на невнятное ворчанье» (с. 196–197).

53.

Ср.: «Это был Тюльерийский сад, с его старыми каштановыми деревьями, железными решетками, крепостным рвом и звероподобными зуавами на часах» (с. 210).

54.

Цитата приведена по изданию: Достоевский и Т, с. 86, где письмо П. В. Анненкова к Тургеневу от 1 (13) января 1864 г. напечатано в отрывках (автограф – в ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 8).

55.

См.: Гутьяр; а также: Пиксанов Н. К. История «Призраков» (Т и его время, с. 164–192); Андреева А. «Призраки» как исповедь Ив. С. Тургенева. – ВЕ, 1904, т. 5, с. 17–22. Винникова И. И. С. Тургенев в шестидесятые годы. Саратов, 1965, с. 55–65; Муратов А. Б. И. С. Тургенев после «Отцов и детей». Л., 1972, с. 17–26 и др.

56.

Орлов А. «Призраки» Тургенева. (Одоевский – Гоголь – Тургенев). – В кн.: Родной язык в школе. М., 1927. Кн. I, с. 46–75.

57.

См.: Мочульський М. Літературні паралелі Шевченків «Сон» і «Призраки» Тургенева. – Україна, 1924, № 3, с. 62–70; Прийма Ф. Я. Шевченко и русская литература XIX века. М.; Л., 1961, с. 308–309.

58.

См.: Муратов А. Б. Указ. соч., с. 14–15; Батюто А. Тургенев-романист. Л., 1972, с. 147.

59.

См.: Раппих Хорст. Мюнхенское издание повестей Тургенева в оценке немецкой и австрийской критики. – Лит Насл, т. 73, кн. 2, с. 346–349. О необходимости обследовать творчество Э. По, литературу раннего французского декадентства и английского прерафаэлитизма с точки зрения выявления возможных связей «Призраков» с этой литературной традицией писал Л. В. Пумпянский в статье «Группа „таинственных повестей”» (см.: Т, Сочинения, т. 8, с. XIII, XVIII; см. также: Турьян Мариэтта. Тургенев и Эдгар По. – *Studia Slavica Hung.* XIX. Budapest, 1973, с. 407–415).

60.

В статье Г. Швирца «Баден в жизни и творчестве Тургенева» высказано предположение, что одна из фресок, украшавших галерею главного лечебного корпуса в Баден-Бадене, описана в главе IV «Призраков». На этой фреске изображен рыцарь, стоящий на коленях перед женщиной-призраком, низко парящей над землей; над обоими кружит птица. Фон картины образует опушка леса, на переднем плане виден старый дуб (см.: Schwirtz G. *Baden im Leben und Schaffen Turgenevs.* – В сб.: *I. S. Turgenew und Deutschland*, Bd I. Herausgegeben von G. Ziegenggeist. Berlin, 1965).

61.

См.: Страхов Н. Новая повесть Тургенева (Отеч Зап, 1867, № 5, с. 169); Иванов, с. 183, 461.

62.

См.: Пумпянский Л. В. Тургенев-новеллист. – В кн.: Т, Сочинения, т. 7, с. 5–24; Винникова И. Указ. соч., с. 53–74; Батюто А. Указ. соч., с. 38–166; Муратов А. Указ. соч., с. 7–37.

63.

Об этом см.: Кийко Е. И. «Призраки». Реминисценции из Шопенгауэра. – Т сб, вып. 3, с. 123–125.

64.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М., 1901. Т. 2, с. 1 (перевод Ю. И. Айхенвальда).

65.

См.: Бялый Г. Тургенев и русский реализм. Л., 1962, с. 174–175.

66.

Одна из первых попыток проанализировать причины неприязненного отношения Достоевского к Тургеневу была сделана в книге: Никольский Ю. Тургенев и Достоевский. История одной вражды. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921; см. также: Долинин А. Тургенев в «Бесах». – В кн.: Достоевский. Статьи и материалы, сб. II/Под ред. А. С. Долинина. Л.: Мысль, 1925, с. 119–136.

67.

См.: Никитина Н.С. «Призраки». Неоконченная статья М. М. Ковалевского. – Т сб, вып. 2, с. 171–172.

68.

Там же, с. 172.

69.

Лавров П. И. С. Тургенев и развитие русского общества. – Вестник народной воли, 1884, № 2, с. 102.

70.

См.: Erzählungen von Iwan Turgénijew, Bd. II. Deutsch von Fridrich Bodenstedt. München, 1865.

71.

См.: Pietsch L. Erinnerungen an Iwan Turgenjew. – Vossische Zeitung, 1883, № 425, 12 сентября, а также: Т, ПСС и П, Письма, т. 5, № 1477, 1491, 1502, 1584, 1589 и примеч. к ним. См. также: Раппих Хорст. Тургенев и Боденштедт. – Лит Насл, т. 73, кн. 2, с. 340–342.

72.

Список разночтений текстов перевода «Призраков» в «Revue des Deux Mondes» и в сборнике «Nouvelles moscovites» приведен в работе: Mongault H. Mérimée et la littérature russe. Paris, 1931, p. 561–581. См. также: Горохова Р. М. К истории издания сборника Тургенева «Nouvelles moscovites». – Т сб. вып. 1, с. 263–264.

73.

1917